

Саван для блудниц

Автор:

Анна Данилова

Саван для блудниц

Анна Васильевна Данилова

Детектив Юлия Земцова #4

«Просто мистика какая-то!» – в ужасе думает сотрудница частного сыскного агентства Юлия Земцова, попав в квартиру своей клиентки Ларисы Белотеловой. Все обстоит так, как та и рассказывала, – на зеркалах внезапно появляются потеки свежей крови, и то тут, то там Юлия обнаруживает изящные женские вещицы, принадлежащие явно не хозяйке дома. Кто же так изощренно издевается над Ларисой? А может быть, неизвестный пытается ее о чем-то предупредить? Да, дело очень интересное, и Земцова решает докопаться до истины...

Анна Данилова

Саван для блудниц

Глава 1

Вадима Льдова обнаружила рано утром уборщица. Он лежал между учительским столом и деревянным ящиком для географических карт в луже крови, лицом вниз. На затылке зияла потемневшая от запекшейся крови большая рубленая рана. Оранжевый джемпер, такой солнечный и апельсиновый, резко выделялся на фоне бледно-зеленых стен класса и серых парт, не говоря уже о приметах поселившейся здесь смерти. Чудовищность этого контраста не замедлила выплеснуться в страшном крике тети Вали, зашедшей в класс помыть полы.

Но на ее крик никто не явился – было слишком рано, и в школе, кроме нее, был только сторож, крепко спавший в раздевалке спортивного зала.

Примерно в это же время, в двух кварталах от школы, раздался еще один крик. И тоже женский.

Войдя в семь часов утра в спальню к своей четырнадцатилетней дочери Наташе, Людмила Борисовна Голубева не смогла ее добудиться. стакан со следами белой таблеточной кашицы на дне валялся на ковре рядом с кроватью, на которой лежала уже мертвая Наташа.

«Девочка моя, что же ты наделала?.. Как же это?.. Кто виноват? КТО?..»

* * *

Апрельское теплое утро, солнечное и голубое, благоухающее ароматом кофе, казалось, было всем в радость. Даже Щукиной, которая перед тем, как открыть агентство, уже успела забежать в кондитерскую на соседней улице, чтобы купить там булочек с маком и французских длинных желтых батонов – для бутербродов. С нею, с этой занудой, вечно всем недовольной, в последнее время стало твориться бог знает что. Она теперь постоянно над всеми подшучивала, хохотала до слез над чем попало, мурлыкала себе под нос модные мотивчики, которые раньше вызывали у нее лишь отвращение, и вообще откровенно валяла дурака от сознания и ощущения полнейшего счастья...

Крымов тоже что-то напевал у себя в кабинете, и это было слышно даже в приемной, где Земцова с Шубиным пили кофе и помогали Наде разгадывать свежий кроссворд.

Частное детективное агентство, которым руководил Евгений Крымов, еще пару месяцев тому назад имевшее шанс распасться на две самостоятельные супружеские пары, пока существовало. Были клиенты, а значит, и работа. А еще была фальшь. Она сквозила во всем, что касалось обеих женщин – Нади Щукиной, секретарши и теперь невесты Крымова, и Юли Земцовой, бывшей не так давно адвокатом и поменявшей уютное кресло юридической консультации на рискованную жизнь частного сыщика, с отчаяния чуть было не вышедшей замуж за Игоря Шубина, но вовремя спохватившейся и отказавшей ему исключительно из человеколюбия. Она так и сказала ему: я, мол, слишком эгоистична для брака...

Роман Крымова с Юлей закончился, как это ни парадоксально, его почти браком с Надей Щукиной (осталась простая формальность: свадьба!). Но и это уже не имело значения в тот чудесный апрельский день, когда Юля, вместо того чтобы бросить все ко всем чертям, улететь к маме в Москву и выплакаться там ей в жилетку, вынуждена была улыбаться своей сопернице, которая, в свою очередь, предлагала ей не менее фальшивым вежливо-примирительным тоном добавить молока в кофе, – все уже было позади, и боль любовных потерь постепенно начинала притупляться; наступила весна, и всем одинаково хотелось острых ощущений, приятных тревог и радостей физической близости, а говоря по-современному – секса.

Шубин, стоявший у окна с чашкой кофе в руках, вдруг сказал:

– По-моему, это к нам. Юль, давай-ка прими клиентку. Чую сердцем, она по женской, то есть по твоей, части... И Крымову пока не докладывай, может, поплачется-поплачется гражданочка да и уйдет. Уж слишком скромно она одета, чтобы оказаться в состоянии оплатить мой труд... – Он намекал на то, что ему чаще остальных приходилось вести слежку за неверными супругами, а ведь именно такие дела встречались в практике агентства чаще всего.

– Много ты понимаешь, – весело отозвалась Щукина со своего секретарского, но ставшего уже почти королевским кресла. – Ты не смотри, что у нее такое простое серое платье и старомодная сумочка на плече... Платье отлично сшито и сидит на ней идеально, а сумочка стоит столько же, сколько диван, на котором сидит Земцова... Так что, Игорек, готовься, срезай мозоли на ногах, качай мышцы, заправляй пленку в свой «Кодак», перезаряди пистолет и... вперед, на супружеские баррикады!

Раздался звонок. Щукина при помощи специального микрофона, установленного при входе (последнее нововведение Крымова), пригласила посетительницу войти.

– Доброе утро, проходите, пожалуйста, в комнату номер три, это как раз напротив двери. Вас уже ждут, – произнесла она вежливым голосом, насмешливо глядя вслед Юле, спешащей навстречу клиентке.

Они встретились возле двери, Земцова молча открыла свой кабинет и впустила туда выглядевшую крайне взволнованной молодую женщину.

– Садитесь, пожалуйста. – Она жестом указала на кресло и поспешила поднять жалюзи, после чего в серую, заполненную офисной строгой мебелью комнатку хлынул яркий солнечный свет.

– Моя фамилия Белотелова. Зовут Лариса. Я живу в вашем городе чуть больше месяца. Купила квартиру недалеко от речного вокзала, устроилась на работу – маникюршей в салон «Елена», может, знаете...

Юля знала этот салон, и первое, что пришло ей в голову, – это наличие у Ларисы связей, раз она смогла так быстро найти себе довольно теплое, денежное местечко.

– У вас здесь кто-то есть?

– Нет, а почему вы спросили об этом? – Лариса вдруг посмотрела на Юлю в упор, словно надеясь смутить сидящую перед ней хрупкую на вид и совсем еще молоденькую девушку-детектива. – Нет, никого.

– А откуда вы приехали?

– Из Петрозаводска.

– Вы извините, что я задаю вам вопросы, еще не выяснив, зачем вы пришли к нам, но мне просто любопытно, что же такого привлекательного вы могли найти в нашем захолустье? Обычный город, разве что на Волге...

– У меня не сложилась личная жизнь там, в Петрозаводске, и я решила все продать и уехать... Знаете, как это бывает – просто ткнула пальцем в карту...

– А если бы попали, извините, на Северный полюс?.. Впрочем, – спохватившись, что уже и так потратила достаточно много времени лишь для того, чтобы получше разглядеть посетительницу и попытаться самой догадаться о причине, приведшей ее в агентство, сказала Юля, – мне не так уж важно все это знать. Итак, я слушаю вас, Лариса.

– То, с чем я к вам пришла, сильно смахивает на сюжет мистического триллера, и поэтому вы можете не воспринять меня всерьез. То, что со мной происходит вот уже несколько дней, не поддается никакому объяснению... И поверьте – я не сумасшедшая...

Юля вспомнила визит Лоры Садовниковой. Она была тоже молода и красива и пришла к ней вот сюда же, в этот кабинет, чтобы рассказать совершенно фантастическую историю о том, что живет с мужчиной, называющим себя ее мужем, в то время как она сама этого мужчину не знает и **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ ПОМНИТ О СЕБЕ!** Это было одно из первых дел Юли, пожалуй, самое запутанное, сложное и вместе с тем интересное. Лора тоже говорила о том, что она не сумасшедшая. Люди, ставшие жертвами изощренных преступников, больше всего боялись, что их примут за ненормальных, в то время как им просто морочили голову. Наверняка и этот случай из той же области.

– Я уже говорила вам, что купила квартиру поблизости от речного вокзала, трехкомнатную. Как вы думаете, сколько она может стоить?

– Смотря в каком она состоянии...

– В прекрасном. Отремонтирована, да к тому же еще и с телефоном, метраж – около сотни квадратных метров.

– Думаю, миллиона два-три...

– Вот и не угадали. Двести пятьдесят тысяч, причем в эту сумму вошла и оплата агенту.

- Вы шутите... Таких цен уже нет.

- Я тоже так думала. Когда агент привез меня на эту квартиру и я увидела ее, я, еще не зная цену, сразу же заявила ему, что у меня таких денег нет... И когда он назвал мне цифру, я подумала, что он попросту издевается надо мной...

- Извините, надеюсь, что ко мне вы пришли не для того, чтобы поговорить о ценах на недвижимость? Вы нашли какой-то крупный недостаток в этом жилище? Что-нибудь произошло?

- Да, произошло. Нет, вы не подумайте, трубы не потекли, крыша тоже, и потолок не обрушился... Здесь ДРУГОЕ. Понимаете, в моей квартире стали появляться какие-то чужие вещи. Женские вещи, точнее. А в прихожей на полу я обнаружила как-то капли крови, СВЕЖЕЙ крови... Словно у кого-то из носа пошла кровь... и следы вели к двери. В другой раз кровь была разбрызгана в спальне, прямо на зеркале.

- Мистика? - не смогла не улыбнуться Юля, которая не поверила ни единому слову посетительницы. Похоже, у нее и впрямь было не в порядке с головой. - Вы верите в мистику?

- До сих пор, во всяком случае, не верила, но тогда объясните мне, ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

- Вы хотите, чтобы мы нашли человека, который подбрасывает вам эти вещи и разбрызгивает кровь по квартире? Быть может, у вас есть враги или недоброжелатели, которым удалось снять слепки с ваших ключей и которые в ваше отсутствие бывают в квартире? Можно ли забраться на ваш балкон с улицы или от соседей?

- Балкон есть, но он высокий... Нет, забраться нельзя.

- А вы не спросили вашего агента, почему квартира стоит так дешево? - Этот вопрос показался Юле куда более важным, чем явно придуманные впечатлительной женщиной брызги крови на зеркале.

– Спросила, конечно. Он сказал, что хозяину нужно срочно уехать из города, у него в Москве умер кто-то из родственников... Я-то сама хозяйка не видела, потому что документы подписывал по доверенности агент, Саша. Да и к чему мне было знакомиться с бывшим хозяином квартиры? Я была настолько потрясена этой сделкой, так обрадована, что мне было ни до кого... А Саше в благодарность я подарила бутылку хорошего коньяка... Думаю, он до сих пор жалеет о том, что не продал квартиру хотя бы за миллион.

Юля тряхнула головой. Что-то здесь было не так. Где это видано, чтобы квартиры в элитном районе продавали за бесценок, и как могло вообще случиться, что ее не приобрела сама риэлторская фирма, чтобы потом перепродать кому-нибудь втридорога?! Ведь практически все продающиеся квартиры находятся у них под контролем, рынок недвижимости полностью перешел из частных рук к риэлторам.

– Вы все расспрашиваете меня о квартире, словно забыли уже о том, С ЧЕМ я к вам пришла... Вот представьте себе. Вы приходите домой, идете в ванную комнату мыть руки, включаете там свет, открываете дверь и вдруг видите прямо на зеркале капли крови... Скажите, неужели это не произвело бы на вас никакого впечатления?

Веки посетительницы покраснели, а ярко-голубые глаза стали наполняться слезами. Порозовел и кончик носа, и уже спустя несколько секунд перед Юлей сидело испуганное насмерть существо. Юле даже показалось, будто Лариса уменьшилась в размерах, а во всем ее трогательно-нежном облике появились детские черты.

– Предположим, что я вам поверила. Тогда расскажите, какие вещи конкретно вы обнаружили у себя в квартире и когда?

Лариса с готовностью достала из сумочки целлофановый сверточек и осторожно, с извиняющимся видом, словно наперед знала, что делает что-то недопустимое, положила его прямо на стол.

– Что там? Разверните, я же не вижу.

Она развернула, и Юля увидела прозрачный матово-дымчатый комочек нейлона.

– Чулки?

– В том-то и дело, что чулки. Понимаете, я НИКОГДА не ношу чулок, а тем более таких, как эти, с резинками... Подруг, которые могли бы, скажем, забыть их в моей квартире, у меня нет, я еще ни с кем не сдружилась настолько, чтобы приглашать в гости, а если предположить, что все-таки кто-то заходил, точнее, вломился, тогда непонятно, почему он ничего не украл... Ведь я проверяла – все на месте, представляете?!

– Какие интересные вещи вы мне рассказываете и... показываете.

Юля встала, обошла стол и, склонившись, внимательно посмотрела на чулки. Женщина, которая носит подобные изящные вещицы, обладает хорошим вкусом и явно не бедствует. И это пока все, что можно было сказать. Другое дело, каким образом эти чулочки оказались в квартире Ларисы Белотеловой?

– Это все?

– Нет. Еще сорочка. Розовая. Но я ее не принесла, она бы не поместилась в сумке. А еще крохотный золотой крестик на тоненькой цепочке, он у меня здесь, в кошельке...

– Вы хотите, чтобы мы проследили за вашей квартирой? – спросила Юля, разглядывая цепочку и крестик, сверкающие на ладони Ларисы.

– Сначала я хотела этого, но теперь, когда уже несколько ночей не сплю и вздрагиваю от каждого звука, мне кажется, что дело не в квартире...

Юля уже ничего не понимала. Неужели эта женщина думает, что появление в ее доме чужих женских вещей и крови – результат действия нечистой силы?

– Я вижу, что вы мне не верите... Извините... – Лариса резко встала и, слегка покачнувшись, схватилась за голову. – Кружится... Признаться, мне этот визит дался нелегко... Я чувствовала, что только напрасно потеряю время, потому что мне никто не поверит...

– Но ведь вы же еще ничего не сказали мне. Что мы можем для вас сделать? Выяснить, кто является хозяйкой этих чулок и золотого крестика?

– Должно же быть всему этому какое-то разумное объяснение! Я прошу у вас помощи и готова заплатить за работу. Если понадобится, я отдам вам ключи от квартиры и создам все условия, чтобы кто-нибудь из вашего агентства провел у меня ночь... Уверена, что вы сами будете шокированы не меньше моего, когда увидите, что там происходит...

– А голоса? Вы не слышите никаких голосов?

– Слышу. А ведь вы спросили об этом не без издевки? Я понимаю вас, мой рассказ выглядит по меньшей мере НЕУБЕДИТЕЛЬНО... Голоса... Да, безусловно, я слышу их. Точнее, не голоса, а ГОЛОС. ЖЕНСКИЙ. Это стон или крик, но явно отдаленный...

– А вам не приходило в голову, что кто-то хочет свести вас с ума? Способ довольно известный. Быть может, я повторяюсь, но все же: вспомните, есть ли у вас враги?

Юля говорила это вяло и откровенно скучала. После того как Лариса ответила на вопрос о голосах, интерес к посетительнице угас: либо шизофрения, либо чья-нибудь изощренная инсценировка, направленная на то, чтобы свести с ума новую хозяйку квартиры.

– Враги у меня, может, и были, но только уж больно далеко отсюда, в Петрозаводске. И никто не знает о том, что я перебралась сюда.

– Ну что ж, мне все понятно. Сейчас я ознакомлю вас с нашими условиями, посоветуюсь в шэфом, выясню, когда к вам лучше подъехать, и начнем работать...

Юля назвала сумму аванса, и была слегка удивлена, когда Белотелова с готовностью достала из сумочки деньги и отработанным быстрым движением кассира отсчитала необходимое количество стодолларовых банкнот. Посетительница с такой легкостью расставалась с деньгами, что этому могло быть только два объяснения: либо эти деньги упали ей с неба, либо ее до такой степени замучили кошмары, что она готова отдать последнее, лишь бы только

от них избавиться.

– Подождите меня здесь, я сейчас оформлю и принесу вам чек. – Юля вышла из кабинета и направилась к Крымову.

– Полтергейст, привидения, паранормальные явления – словом, «Секретные материалы»... – сказала она ему с порога, бросая на стол пачку денег.

Крымов, сощуривая свои ультрамариновые глаза, улыбнулся, откинулся на спинку стула и потянулся, расправляя мышцы рук и ног. Его рыжие замшевые башмаки смешно, по-клоунски, выглядывали из-под стола.

– Юлечка Земцова собственной персоной. Приятно видеть и тебя, и эти денежки...

Как же она сейчас ненавидела его, и как же больно ей было видеть его самодовольное, ухмыляющееся лицо, которое еще совсем недавно было для нее самым дорогим, самым прекрасным... А эти глаза? Она могла бы сутками смотреть в них, испытывая сладкое головокружение, но теперь все это было в прошлом, теперь Крымов принадлежит только Щукиной. Бред! Она до сих пор не могла привыкнуть к этой мысли и часто ловила себя на том, что присутствие Крымова мешает ей сосредоточиться на работе, ее мысли разлетались, а речь почти отнималась... А иногда Юле казалось, что она здесь, в агентстве, и вовсе лишняя. Что ее неприязненные отношения со Щукиной, которые просто невозможно было скрыть, всем бросаются в глаза и вызывают если не раздражение, то уж точно усмешку. У того же Крымова.

Внезапно ухмылка исчезла с его лица, оно стало серьезным и даже озабоченным.

– Ты что? – Он встал, быстрым движением подошел к ней и привлек к себе, но, почувствовав сопротивление, еще сильнее сжал ее. – Ну, успокойся, не будь злой кошкой...

Он хотел, видимо, сказать еще что-то, но в коридоре послышались шаги, и едва он успел вернуться на место, как в кабинет без стука вошла Надя Щукина. С видом хозяйки она подошла к столу и, не обращая никакого внимания на стоявшую рядом с ней Юлю, произнесла самым обыденным тоном, как если бы они были вдвоем с Крымовым:

– Мы будем обедать здесь, в «Клесте» или поедем домой?

Юля почувствовала, как лицо ее запылало от стыда и унижения. Не помня себя от переполнявших ее чувств, она выбежала из кабинета и по дороге в приемную столкнулась с Игорем Шубиным.

Она хотела сказать ему, что больше не может оставаться здесь ни минуты, что эти стены давят на нее, что голос Крымова, доносящийся из-за двери его кабинета, действует ей на нервы и лишает последних сил и что ей сейчас больше всего на свете хочется сесть на поезд и поехать к маме в Москву, но ничего этого она почему-то не произнесла вслух. Она просто уткнулась лицом ему в грудь и разрыдалась. И Шубин, который понимал ее без слов и страдал из-за того, что их зарождавшиеся отношения закончились полным крахом и отказом Юли выйти за него замуж, обнял ее:

– А я всегда считал тебя сильной... Успокойся, вытри слезы, у тебя есть платок? Ты должна хорошо выглядеть...

Она подняла голову и посмотрела на него с недоумением, как бы спрашивая, зачем это ей выглядеть хорошо, когда на душе так тошно и хочется умереть, и услышала:

– Там к тебе пришли... Заканчивай со своей клиенткой и возвращайся в приемную.

* * *

Он по ошибке зашел в женский туалет, и первое, что ему бросилось в глаза, это вид двух бледненьких и щупленьких девиц, подпирающих крашеные зеленые стены и дымящих сигаретами с сознанием своей взрослости и выражением лица, свидетельствующим об утомленности не только физической, но и, похоже, хронической усталости от жизни вообще.

– Ты куда, дядя? – спросила у Корнилова одна из них – упакованная в черную кожу (обтягивающие стройное тело брюки и жилетка поверх белой водолазки) и увешанная звенящими цепями, – сплунула себе под ноги, после чего грязно

выругалась и запустила в него бумажным шариком.

– Извините, девочки, здесь на двери нет никаких опознавательных знаков, а я в вашей школе первый раз. Кстати, вы не могли бы выйти со мной отсюда, а то как-то неудобно здесь разговаривать...

Девушка в черной коже хмыкнула. В ее глазах зажглось любопытство, смешанное с желанием показаться опытной женщиной в глазах незнакомого солидного мужчины.

– А вы, собственно, кто?

– Я следователь прокуратуры, Корнилов Виктор Львович. Расследую дело об убийстве Льдова... Вы были с ним знакомы?

– Пошли, Ольк... – произнесла хрипловатым голосом «кожаная» девушка, резко направляясь к двери. – Этот мент еще загребет нас...

Вторая, в джинсах и черном свитере, щелчком отправив погашенный о стену окурок в сторону урны, покорно двинулась к выходу.

– Девочки, куда же вы? – Виктор Львович поймал вторую девушку за руку, и они вместе вышли в коридор. Залитый солнцем, он никак не располагал к разговору о смерти. Но она еще витала здесь, ее примета – портрет Вадима Льдова в черной рамке, помещенный на обшитом красным сатином постаменте в центре коридора и украшенный букетиками из живых тюльпанов, – бросалась в глаза и казалась чем-то противоестественным, зловещим и словно предупреждала о нависшей над всей школой беде.

– Да пошел ты! – Девушка рванула руку, но Корнилов крепко держал ее.

– Где это тебя учили так разговаривать со взрослыми? Где? – спросил он спокойно, словно уже привык к подобному обращению.

Она ответила. Одним словом. В рифму. Грязно. Словно ударила плетью по лицу. Корнилов даже покраснел. За нее.

Коридор тянулся вдоль прямоугольника школы по периметру, где-то за углом находился класс, ключ от которого ему дала директриса школы Иванова Галина Васильевна, чтобы он мог там беседовать с одноклассниками Льдова.

Похороны Вадима были назначены на завтра, все в школе да и микрорайоне только об этом и говорили, а вот родители Льдова к Корнилову так и не пришли. Ему передали, что они не хотят ни с кем обсуждать смерть сына и, главное, не желают тратить время «на пустые разговоры». Он все утро думал об этом.

Слегка подтолкнув девушку к двери, он сделал знак другой следовать за ними.

– Входите, здесь вас не укусят. По-моему, вы и сами кого хотите разорвете... Тебя как зовут?

– Лена, – ответила девушка в цепях. Теперь она демонстративно жевала жвачку и смотрела на Корнилова немигающим взглядом жирно подведенных нахальных глаз. – Тараскина. Девятый «Б».

– А тебя?

– Оля Драницына, тоже девятый «Б», – ответила девушка в черном свитере. В отличие от подружки, превратившей свое худенькое детское лицо в размалеванную маску женщины-вампа, Оля выглядела (если бы не сигарета, с которой застал Корнилов ее в туалете) милой розовощекой девочкой-паинькой. Большие голубые глаза ее блестели, а между красными, без помады, пухлыми губами светилась белоснежная полоска здоровых зубов.

– Значит, мне повезло? Вадим учился в вашем классе?

– Значит, – ответила Лена. – Но мы не знаем, кто его убил. Вадим был хорошим парнем, авторитетным, хорошо учился, никого не доставал, с учителями ладил...

– А где ты научилась так ругаться матом?

– Нигде. На улице. Мы ничего не знаем, так что отпустите нас. Занятия закончились, нам пора домой, ДЕЛАТЬ УРОКИ...

– А Ты, Оля, что можешь сказать о Вадиме?

– Ничего. – Она опустила глаза и поправила рукой упавшие на лицо волосы, которые блестящей шафранной волной покрывали плечи и грудь. Это была красивая девочка, вот только непонятно, почему она повинувалась Лене. Это было видно невооруженным глазом.

– Он дружил с кем-нибудь из девочек? – спросил Корнилов.

Лена хмыкнула.

– Он со всеми дружил, – ответила она за Олю.

– Как это? Ну, была же у него девушка, которая нравилась ему больше всех?

– Не было.

– Оля, почему ты молчишь?

– А что говорить, если Лена вам и так все правильно сказала.

Корнилов отпустил их. Они явно что-то скрывали, но сейчас, очевидно, еще рано было о чем-то говорить, слишком свежая была рана на душе – подружки наверняка были влюблены в Льдова, как и все остальные девочки из их класса, так, во всяком случае, считала классная руководительница, Ларчикова Татьяна Николаевна.

Виктор Львович некоторое время сидел в классе один, пытаюсь представить себе Вадима живого, но у него так ничего и не получилось. С минуты на минуту должны были подойти остальные одноклассники Вадима – он вызвал их на тринадцать тридцать. Очевидно, Драницына и Тараскина не пошли на физкультуру, а вместо этого болтались по школе и курили в туалете.

В дверь постучали.

– Можно? – просунул голову паренек с веселыми темными глазами. – Нам сказали, что вы будете с нами разговаривать...

«В каждом классе, – подумал Корнилов, – есть такие веселые непоседы, задающие всевозможные вопросы и играющие роль шута, они всегда в курсе всего, на короткой ноге с „классной“ – одним словом, „шестерки“. Он знал этот тип людей, а потому не поверил ни улыбочке парня, ни его готовности рассказать все, что знает. Да и вообще, как можно объяснить эту улыбку, разве что как нервическую, близкую к истерике? Но навряд ли ЭТОТ будет убиваться по однокласснику. Он наверняка радуется в душе, что одним авторитетом в классе стало меньше, а это означает повышение его шансов занять место отличника и красавчика Льдова...»

Корнилов снова попытался представить Вадима живым, но перед глазами стояло изуродованное смертью, потемневшее лицо, которое он видел в морге...

– Заходи, с тебя и начнем.

Паренек вошел, остановился, и улыбка сошла с его лица. Он даже побледнел. Невысокий, русоволосый, в теплой фланелевой куртке цвета желтка.

– Тебя как звать?

– Виктор Кравцов. Я был его другом.

– Я так и понял. Ну что ж, Виктор, давай поговорим...

* * *

Людмила Борисовна курила на кухне. В квартире толпился народ – все, кто знал их семью, пришли попрощаться с Наташей. Несколько раз звонил Корнилов, просил разрешения приехать. Голубева отвечала ему мягким и в то же время упорным отказом – к чему теперь, когда Наташеньки нет, эти разговоры о ее подростковых привязанностях, друзьях и любовях? Зачем отдавать в руки бесстрастного следователя последнее доказательство того, что в этих стенах жила и дышала юная душа, исполненная сильных чувств и погибшая, не выдержав бремени собственных страстей? Все это слишком интимно и чисто, чтобы потрясать предсмертной запиской у него перед глазами. Главное, что Наташу не убили, а это означает, что никакого преступления не было. Чего же

еще? И при чем здесь прокуратура?

О существовании записки не знал даже муж, отец Наташи, Андрей Голубев. Возможно, останься Вадим жив, он захотел бы встретиться с ним и разобраться, а если потребуется, то и...

Она вздохнула, представив себе, что могло бы произойти, если бы Вадима не убили. Ведь это из-за него, мужчины молочной спелости, погибла ее единственная дочь, которая была влюблена в него до беспамятства, до бреда по ночам, до судорожных рыданий... Людмила не могла припомнить, чтобы она сама когда-нибудь, а тем более в таком юном, четырнадцатилетнем возрасте так остро переживала любовные потрясения. Мальчик может нравиться, его можно желать лишь губами и умом, но ведь не больше! Хотя про Вадика говорили, что он живет чуть ли не с классной руководительницей... Нет, этого не может быть! И в то же время, устроить молоденькой смазливой учительнице ловушку-провокацию – при нынешнем-то развитии детей – сущий пустяк! Что стоило запереть ее в классе с Вадимом и сделать несколько снимков в тот самый момент, когда Ларчикова попытается оттолкнуть от себя расшалившегося, разошедшегося не на шутку, распаленного Льдова? Тем более что такой снимок уже существует. И показывала его Людмиле сама Наташа. Но не плакала, а злилась, называла Льдова мерзавцем, подлецом... И все же продолжала любить его.

Людмила Борисовна не заметила, как сигарета потухла в ее руке. Она вновь стала слышать голоса (кто-то приходил, уходил, плакал, причитал, а в воздухе и лицах присутствующих чувствовался немой вопрос: почему?); на плите шумел чайник, который кто-то поставил неизвестно для кого...

Она встала и заперла кухонную дверь. Ей надо было немного побыть одной. Достала из кармана смятую в судорожном движении (еще там, в спальне, куда она пришла, чтобы разбудить Наташу) записку – синие каракули на тетрадном листе: «Вадим Льдов предал меня. Я не хочу больше жить. Простите меня все». Это был почерк дочери. Да и фраза «Вадим Льдов предал меня» произносилась в последнее время довольно часто. Никаких сомнений – Наташа отравилась из-за любви. Но справедливость восторжествовала. Теперь уже и Льдова не было в живых. В двух кварталах отсюда в одной из квартир панельного дома тоже собрались люди в черных одеждах, чтобы проститься с Вадиком...

– Люда, открой дверь, – услышала она взволнованный голос мужа, встала, спрятала записку дочери в карман и поспешила открыть дверь.

– Со мной все в порядке, – сказала она, глядя на бледного, с черными кругами под глазами, Андрея, обнимая его в порыве благодарности за то, что он вообще есть. – Просто хотелось немного побыть одной... Знаешь, мне не верится, что ее больше нет. Я словно слышу ее голос, и он такой жалобный...

Она хотела слез, собственных слез, чтобы облегчить свои страдания и ту боль, которая мешала дышать и давила на грудь и горло ледяным острым комом. Поэтому и растревляла себя придуманными слуховыми галлюцинациями.

– Пришел Корнилов, следователь, – проронил Андрей, словно извиняясь. – Я ему сказал, что ты никого не хочешь видеть...

– Да нет, я выйду к нему, конечно. Он на работе, и я не имею права так вести себя... Пойдем, ты проводишь меня к нему.

Людмила машинально достала из рукава смятый платочек и, повернувшись к висящему на стене зеркалу, обмахнула лицо.

И все же все это сильно смахивало на сон, сейчас она проснется и увидит Наташу, спросит дочку, как ей спалось, что приснилось...

Она вышла из кухни вслед за мужем и, только увидев заплаканные лица родных, поняла, что это не сон, что они пришли сюда словно в подтверждение того, что Наташа уже никогда не проснется.

– Примите мои соболезнования, – услышала Людмила и поняла, что этот высокий голос принадлежит, как ни странно, мрачноватому человеку с мужественным лицом. Глубокие морщины, впалые щеки и опущенные уголки губ делали его похожим на усталого, загнанного насмерть отощавшего пса. – Виктор Львович...

Он крепко и как-то по-мужски заботливо и осторожно, двумя руками, сжал маленькую ладошку Людмилы.

– Вы пришли, чтобы...

– Нет-нет, что вы... Я пришел только потому, что должен был прийти. Но мучить вас расспросами сейчас не собираюсь. Вы знаете, что там, внизу, собрался весь класс... Вернее, половина класса, потому что вторая половина сейчас возле дома Льдова. Какое жуткое совпадение.

– Никакого совпадения. Тем более что Вадика убили, а Наташа сделала это сама. Вы не думайте, со мной можно сейчас говорить о чем угодно, быть может, потому, что я еще не поверила в происшедшее... В истерике я не забьюсь.

– Скажите, а в каких отношениях были Наташа с Вадимом?

– В нормальных, ровных. Он нравился ей, конечно, так же как всем остальным девочкам.

– Она не оставила записки?

– Нет, не оставила. Что касается причины, то мы не ссорились, в классе к ней относились с уважением, с учителями она не конфликтовала...

– Если вы что-нибудь вспомните, позвоните мне. – Корнилов сунул ей в руку визитку. – И еще раз – извините меня, пожалуйста...

Он, пятясь, смешался со стоящими в прихожей людьми, оставляя Людмилу одну среди этих нещадных траурных декораций, странных тошнотворных запахов, гула... Она хотела броситься вслед за ним, чтобы он взял ее с собой и вывел из этого кошмара на улицу, на свежий воздух, в реальность, но ноги сами привели ее в большую комнату, где все, расступаясь перед ней, расчистили ей дорогу к гробу, в котором лежала бледненькая, с грустным личиком, Наташа.

Глава 2

Юля договорилась с Белотеловой встретиться вечером у нее дома. Пусть даже у дамочки проблемы с головой, но, раз человеку требуется помощь, почему бы не оказать ее? Другое дело, что заниматься подобными НЕРЕАЛЬНЫМИ вещами – пустая трата времени. Разве что только таким образом можно отработать

полученный аванс...

Бедняжка обрадовалась, когда поняла, что в агентстве заинтересовались ее делом и что она эту ночь или вечер, быть может, проведет не одна.

- Вот увидите, я ничего не придумываю... Хотя, если вдруг окажется, что нет никакой крови и сорочек, это еще не будет означать, что я вас обманула... Ведь ЭТО появляется не каждый день.

- Конечно, не переживайте так... - Юле вдруг показалось, что Лариса Белотелова послана ей не случайно, а словно для того, чтобы на фоне ее проблем собственные огорчения показались сущим пустяком. Ну в самом деле, мужчина, которого она любила, решил жениться на другой! Такое случается сплошь и рядом. Надо это просто пережить. А сделать это можно безболезненно, лишь упорно работая и стараясь не замечать вокруг себя счастливых лиц Крымова и Щукиной. В сущности, любовь зла, это и ребенку понятно. И никто не виноват в том, что Крымов влюбился в Надю.

- Так я вас жду в восемь?

- Договорились. - Юля проводила клиентку до двери и вернулась в приемную, где ее, по словам Шубина, кто-то ждал.

На залитом солнечным светом диване сидел, закинув ногу на ногу, мужчина лет сорока пяти в светлом костюме. У него был вид человека, который далеко не каждому расскажет о причине своего визита. Он явно был критически настроен и, похоже, все то время, что дожидался Юлю в присутствии Шубина, молчал. Во всяком случае, это было написано на его гладко выбритом ухоженном лице и читалось в холодных серых глазах. Увидев Земцову, он тотчас встал.

- Это вы ко мне? - спросила она, пытаясь понять, видела ли она раньше этого человека или нет. Кажется, нет.

- Да, я. Мы можем поговорить где-нибудь наедине?

Юля успела поймать возмущенный взгляд Шубина, кутившего у окна и старавшегося делать вид, что ничего не видит и не слышит.

– Разумеется. Пойдемте ко мне.

И вот она снова в своем кабинете, откуда только что вышла Белотелова, оставив после себя тонкий аромат духов.

– Я слушаю вас. – Юля жестом пригласила посетителя сесть в кресло и даже придвинула ему пепельницу.

– Моя фамилия Зверев. Вы меня не знаете и, конечно же, не помните. Хотя мы виделись с вами однажды в ресторане «Клест», что на углу Бахметьевской и Ильинской. Вы ужинали там с Ломовым, а я как раз приезжал туда по делам...

Юля вспыхнула, щеки ее залил горячий румянец стыда: что может знать этот человек об их романе с Ломовым?

– Вы были знакомы с ним? – спросила она, боясь посмотреть ему в глаза. История их отношений с Ломовым являлась одним из самых постыдных и трагических эпизодов в жизни Юли. Надеясь найти в Ломове, человеке большого ума и одновременно порочном до мозга костей, мужчину своей жизни, Юля позволила себе увлечься им и чуть не поплатилась за это жизнью. И она погибла бы, если бы ее не спас ее бывший подзащитный Зименков, оказавшийся так вовремя в том жутком подвале...

От нахлынувших воспоминаний ей стало не по себе.

– Я не помню вас, – только и сказала она. – Ваш приход как-то связан с делом Ломова?

– Нет, мой приход связан только с вами, Юля. Я бы хотел пригласить вас сегодня поужинать со мной.

– И это все? – Она была удивлена. Работая рядом с Крымовым и находясь под гипнозом своих чувств к нему, она, оказывается, забыла напрочь о существовании других мужчин. Шубин не в счет. Шубин – свой человек, он тоже всегда рядом, а при таких условиях сложно оставаться для него только женщиной.

- А вы бы предпочли, если бы я нанял вас проследить за своей женой?

- А почему бы и нет... - Она грубо зондировала почву. - Каждый занимается своим делом.

- А действительно, почему бы и нет?.. - Он грустно усмехнулся. - Можно начать наше знакомство и с этого. Чем не причина для частых встреч, звонков, бесед?..

«Значит, женат, - поняла она. - Тем лучше».

- Тогда давайте начнем работать. - Юля, тихонько вздохнув, придвинула к себе толстый новый блокнот, первая страница которого была исписана сведениями о Белотеловой, и перевернула лист. - Фамилия, имя, отчество вашей жены, адрес, место работы.

- Земцова Юлия Александровна, улица Абрамовская, частное сыскное агентство...

Она швырнула ручку и встала.

- Знаете что, время у меня ограничено. Скажите, разве я давала вам повод для подобных шуток? Или, возможно, тот факт, что вы видели меня в ресторане с Ломовым, дает вам право приударять за мной таким грубым образом?

- А что считается не грубым образом? Я, признаться, не искушен в подобных вещах, но если бы у меня было время подготовиться и попытаться представить себе, что могло бы поразить ваше воображение, то я бы непременно так и поступил... Но я был чертовски занят, я мотался по стране, работал как проклятый, пытаюсь везде успеть...

- О чем вы? - сбитая с толку, Юля ничего не понимала.

- Да просто я не могу себе простить того, что уехал отсюда без вас.

- А почему вы должны были уехать со мной?

– Потому что чувствую глубокую внутреннюю связь между нами. Понимаете, мы совершенно не знакомы друг с другом, вы ничего не знаете обо мне, я – о вас, но тогда как же объяснить, что я постоянно думал и думаю о вас, представляю вас у себя дома и даже мысленно разговариваю с вами. Мне кажется, все это не случайно. Как не случайна и смерть Ломова. Он не должен был оставаться с вами. Меня не интересуют подробности ваших с ним отношений и его смерти, для меня важен лишь факт, что вы не вышли за него замуж, что вы не вышли замуж и за Крымова, не стали женой Шубина...

– Вы что, следите за мной?

– Конечно. По мере возможности. А как же иначе? Юля, я взрослый человек, занятой, для меня, в отличие от многих в этом городе, время не бежит, а ЛЕТИТ...

– Чем вы занимаетесь?

– Всем понемногу.

– И все же?

– Компьютеры, живые цветы, золото...

– А почему же я никогда и ничего не слышала о вас? У нас не такой уж большой город, чтобы человек, занимающийся одновременно компьютерами, цветами и золотом, где-нибудь не засветился...

– Дело в том, что я большую часть года провожу в Москве... – Он выдохнул, как если бы его только что заставили признаться в чем-то таком, о чем он при других обстоятельствах говорить не стал. – А здесь, в С., у меня дочерние фирмы.

– И что же вы хотите от меня?

Он некоторое время смотрел на нее пристально, думая о чем-то своем, после чего встал и вдруг, резко подавшись вперед, настолько приблизил к ней свое лицо, что она, не успев ничего сообразить, почувствовала на своих губах нежное

и осторожное прикосновение. Он поцеловал ее! Это было неслыханно! Совершенно незнакомый ей человек пришел в агентство, объявил всем, кто там был, что он пришел именно по ее душу, дождался, пока она освободится, и, оставшись с ней наедине, наговорил бог знает что и поцеловал ее в губы!

– Я, конечно, идиот... – Он замотал головой и, бормоча что-то себе под нос, почти выбежал из кабинета.

Его шаги резонировали с буханьем ее сердца. Стало вдруг необычайно тихо. Так бывает после того, как люди наговорят друг другу уйму непростительных и обидных вещей. А ведь ничего подобного не произошло. Просто Зверев пришел к Юле, чтобы признаться ей в своих чувствах. И что же здесь плохого? Может, влюбился человек?

В дверь постучали. Это был Шубин.

– Ты знаешь его? – спросил он.

– Нет. Сегодня впервые увидела, хотя он утверждает, что встречал меня в «Клесте» с Ломовым.

– Как его зовут?

– Его фамилия Зверев.

– У него дело?

– Да...

– Какое?

Шубин ревновал, это невозможно было не почувствовать. А еще он разволновался, скулы его порозовели, а глаза потемнели не то от гнева, не то от переполнявшего его чувства собственного достоинства. Он ни на минуту не переставал страдать от равнодушия Юли, как не переставал и надеяться на ее взаимность.

– Он спросил меня, во что ему обойдется слезка за его женой. Думаю, что ему кто-то порекомендовал меня, потому что, повторяю, мы лично с ним незнакомы. Не смотри на меня ТАК... Ты не должен ревновать меня ко всем нашим клиентам. Успокойся, думаешь, я не вижу, что с тобой происходит? Мы все на пределе... И Щукина тоже. Я не верю, что она спокойна. Вот только не понимаю, зачем ей было заходить в кабинет Крымова как раз в тот момент, когда там была я, и спрашивать его тоном заботливой женушки, где его светлость будет обедать...

Кажется, ей удалось сменить тему разговора и перейти от Зверева к Крымову.

– Ты что, Щукину не знаешь? Бог с ними, я приглашаю тебя пообедать, а заодно расскажу об одном звонке... Ты слышала, наверно, о самоубийстве девочки из семьдесят шестой школы?

* * *

Ларчикова Татьяна Николаевна, классная руководительница 9 «Б», после двойных похорон пригласила нескольких девочек к себе домой. С кладбища в город их привез школьный автобус.

Уже дома, разливая дрожащими руками по чашкам чай, она смотрела на заплаканные лица Тамары Перепелкиной, Вали Турусовой, Кати Синельниковой и Жанны Сениной и пыталась угадать, видел ли кто из девочек те снимки, которые теперь уже свободно ходили по школе и явились поводом для ее предстоящего увольнения.

– Татьяна Николаевна, – наконец сказала, шмыгнув по-детски носом, Валя Турусова, худенькая высокая девочка с длинными кудрявыми волосами, отличница, которую уважали в школе не только учителя, но и одноклассники за ум и способность ясно, как никто, выражать свои и чужие мысли. Пожалуй, это была единственная девочка из всей школы, которая, будь у нее посостоятельнее родители, могла бы экстерном закончить не только школу, но и университет и вообще получить какой-нибудь престижный гранд или уехать учиться за границу. А так ей приходилось учиться рядом с посредственностями, да еще и находить с ними общий язык, чтобы ее хотя бы не трогали. Валя была остра на язычок и иронизировала по каждому поводу, часто балансируя на грани черного юмора.

– Татьяна Николаевна, чего скрывать, мы все видели эти снимки, но никто из нас, – она обвела взглядом присутствующих, – не поверил в то, что вы делали это по своей воле...

– А что ты имеешь в виду? Что именно я не делала по своей воле? Он вошел ко мне в класс, когда уже стемнело. Я даже не поняла, что произошло, потому что все было сделано очень быстро... Он был голый... Вадик... Совсем без одежды! Он набросился на меня сзади, запрокинул голову и так наклонил назад стул, что я могла упасть и сломать себе позвоночник... А в это время Кравцов защелкал фотоаппаратом. Вот и получилось, будто мы со Льдовым целуемся... А ведь я в это время думала только о том, чтобы не упасть.

– Хотя и не полагается говорить о покойниках плохо, но Льдов был непредсказуемым и очень опасным типом. Лично я его всегда боялась, – подала голос миниатюрная шатеночка Катюша Синельникова, которая (и всем это было известно) была влюблена в Виктора Кравцова, близкого друга Льдова, и старалась при каждом удобном случае представить своего возлюбленного как жертву Вадима. – Вы, Татьяна Николаевна, ни в чем не виноваты, а потому должны ходить с высоко поднятой головой. На вашем месте мог оказаться кто угодно... А тот снимок, где вы оба голые... – Она покраснела. – Так это и дураку понятно, что монтаж.

– Я тоже считаю, что Льдову досталось поделом. Не знаю уж, кто его убил, но, значит, было за что. Мне больше всего Наташу жалко. А еще как-то страшно... А что, если и ее тоже убили? Маньяк какой-нибудь влез к ней в окно и заставил ее выпить яд? – предположила Валя.

– Девочки, я что, собственно, пригласила вас... – Татьяна Николаевна достала из серванта большую коробку шоколадных конфет, открыла ее и предложила ученицам. – Мне вскоре понадобится ваша поддержка, и очень серьезная... Возможно, на меня заведут уголовное дело, и тогда мне нужны будут свидетели. Вы понимаете, о чем идет речь?

– Уголовное дело? Но почему? – Ярko накрашенное личико Тамары Перепелкиной побледнело. – Что вы такого сделали? Вы что, ударили его?

– Татьяна Николаевна, если потребуются наша помощь, мы всегда с вами, – проговорила, набивая рот шоколадом, тихая подхалимка Жанна Сенина,

«шестерка», прихвостень Перепелкиной. – Даже чего не было, все равно скажем.

– Конечно, скажи, Валь, – подтвердила Тамара, обращаясь к авторитетной Турусовой, прекрасно понимая, что «класснуха» пригласила их к себе домой неспроста, что она еще не все сказала и что уголовное дело, о котором она заикнулась, возможно, и не имеет никакого отношения к снимкам, хотя наверняка связано с убийством Льдова. Иначе как объяснить этот дорогостоящий шоколад и блеск в глазах Ларчиковой, которая пока еще не созрела для более подробных разъяснений, но вот-вот разразится новыми признаниями. Она явно собирается подкупить свидетелей, вот только свидетелей ЧЕГО, какого факта или события, способного оправдать ее проступки?

Тамара Перепелкина искуснее всех в классе красила ресницы, накладывала макияж и, как ни странно, лучше других разбиралась в людях. Нащупать тонкие струны души с тем, чтобы сыграть потом на них похоронный марш чужим амбициям, было ее излюбленным занятием, доставляющим ей неслыханное удовольствие и придающим ее сущности приятную тяжесть растущего уже не по дням ЕЕ авторитета. Понимая, что в интеллектуальном плане ей не догнать Валечку Турусову, Тамара зато знала, что может дать ей сто очков вперед по части внешности и сексуального опыта, который только за последний год обогатился двумя значительными и продолжительными связями со взрослыми мужчинами. Ведь, в отличие от Тома, Валя вела довольно вялую интимную жизнь, ограниченную редкими встречами с каким-то нищим художником, мнившим себя, конечно же, гением.

– Девочки, я пока не могу вам сказать, что именно надо будет говорить на суде (если он вообще будет!), но мне бы хотелось предварительно заручиться вашей поддержкой. Я же, со своей стороны, обещаю вам молчание другого рода... – Теперь учительница смотрела на притихших девочек совершенно другим взглядом, не любопытствующим, а испытующим и довольно жестким, как смотрит человек, наделенный вполне определенной властью и готовый в любую минуту воспользоваться ею в своих целях. Ларчикова ждала реакции на произнесенные ею слова, и эта реакция незамедлительно последовала: Тамара Перепелкина густо покраснела, первой догадавшись, о чем идет речь, чем можно шантажировать уже их самих. Ясное дело, Ларчикова, эта опасная во многих отношениях стерва, которая, наверное, по воле дьявола оказалась в детском учреждении, имела в виду Иоффе, бывшего школьного сторожа, вот уже целый год живущего в деревне у сына и сдающего свою городскую

квартиру тете Вале, школьной уборщице. Большая любительница выпить, Валентина за бутылку предоставляла эту квартиру всем кому ни попадя (в том числе и покойному Льдову и его одноклассникам и одноклассницам, о чем прекрасно знала Ларчикова) и, что самое ценное, никогда ничего не помнила: кому отдавала ключи и кто и как с ней расплачивался. Это была законченная алкоголичка, потерявшая в этой жизни все, начиная от семьи и кончая комнатой в коммуналке, которую практически отвоевали у нее соседи. В то время, когда в квартире Иоффе развлекалась молодежь, тетя Валя спала в школе, в каморке, расположенной за гардеробом.

Директор школы Галина Васильевна, которая, разумеется, ни о чем не догадывалась, терпела Валентину единственно из жалости и, несмотря на пьянство последней, за ее сносную работу: никто из остальных уборщиц так не справлялся с мытьем длинных коридоров и огромных классов, как это делала она. Те пятьдесят рублей, которые Валентина исправно платила старику Иоффе, окупались в несколько раз, и только оставалось непонятным, зачем же было самому Иоффе сдавать квартиру за столь мизерную сумму, да еще и такому ненадежному человеку, как Валентина, вместо того чтобы иметь с квартиры рублей пятьсот, а то и больше. Как бы то ни было, но маленький бизнес тети Вали процветал и приносил конкретные плоды – квартирка Иоффе, расположенная рядом со школой, на Васильевской улице, оказалась идеальным местом для встреч жадной до сомнительных удовольствий молодой поросли.

– О чем вы? – все же спросила Перепелкина.

– Я знаю, кто, где и когда расправился с той интернатской девочкой, которую нашли в посадках.

В комнате сразу наступила неприятная тишина.

* * *

– Значит, говоришь, брызги крови? – Шубин откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул. Они только что закончили обедать и теперь, скучные и сонные, сидели с Земцовой за столиком ресторана «Клест», чувствуя тяжесть не только в душе, но и в желудке.

– Слушай, а почему ты пригласил меня именно в «Клест»? Потому что и Щукина с Крымовым здесь тоже обедают? Игорек, что, в городе мало ресторанов?

– Не знаю... Название нравится. Кроме того, мне бы хотелось таким образом избавить тебя от комплексов, связанных как раз с Крымовым и Ломовым. Мне бы хотелось, чтобы ничто и никогда не напоминало тебе о тех горьких минутах, которые тебе пришлось пережить из-за этих негодяев...

– А ты уверен, что мне по-прежнему нужна твоя опека? Ломов... Да я уже давно забыла о нем. А что касается Крымова, то ты же сам все прекрасно понимаешь – он каждый день перед глазами, и Щукина тоже... У меня все отболело, и давай вообще сменим тему, сколько можно...

Принесли кофе.

– Ты сама пойдешь к этой Белотеловой? – спросил Игорь после большой паузы, которая понадобилась ему для того, чтобы перевести дух после всего услышанного. «А ты уверен, что мне по-прежнему нужна твоя опека?..» Неужели это все, что он заслужил? Он переживал одну из самых неприятных минут.

– Если хочешь, пойдём вместе, – уже более примирительным тоном ответила Юля. – Хотя я более чем уверена, что у этой Ларисы проблемы с головой. Ну посуди сам – брызги крови на зеркале, какие-то чужие чулки, нижнее белье... Если вдруг мне действительно это дело покажется интересным, то нужно будет начинать с агента по недвижимости, да и то только после того, как я выясню в регистрационной палате, действительно ли квартира была куплена за ту смехотворную сумму, которую Белотелова мне назвала. Я бы и сама, признаться, не отказалась от подобной квартиры.

– А где тряпки, которые она тебе принесла в качестве вещественных доказательств?

– Чулки? У меня. Но не думаешь же ты, что я отдам их на экспертизу?...

– И все-таки – может, я пойду ТУДА с тобой?

– Да брось ты, Игорь...

– Тогда оставь ее адрес.

– Игорь! Я же не собираюсь устраивать у нее на квартире засаду!

Однако адрес она на всякий случай продиктовала, после чего, изнывая теперь уже от чрезмерной сытости и какой-то необъяснимой тоски, заныла:

– Все, мне пора. Допивай свой кофе, и пойдём отсюда, а то я сейчас еще, чего доброго, закажу пирожное с кремом или вообще усну... Обстановка уж больно располагает...

В ресторане действительно было тихо, спокойно и уютно от горящих на каждом столике желтых светильников. Посетителей в этот дневной час мало, за стойкой скучал молодой бармен, меланхолично протирающий и без того чистый и сухой стакан тонкого стекла. Да, чуть больше двух лет тому назад на фоне этих же декораций она пыталась мечтать о замужестве, о возможной семейной жизни с могучим горбуном, министром экономики области Ломовым, который оказался убийцей и извращенцем, сгубившим столько невинных жизней... И где же тогда были ее глаза? Куда подевалась интуиция да и инстинкт самосохранения? Так вляпаться!

Шубин предложил подвезти ее к Белотеловой на своей машине, но Юля отказалась. Ей хотелось пройтись пешком, прогуляться по солнечной весенней улице, благо что речной вокзал находился всего в двух кварталах от ресторана. И он поверил ей, не обратив внимания на то, что Белотелову имеет смысл навестить поздним вечером, если не ночью, и уж никак не ярким шумным днем. Игорь уехал, а Юля, которой не терпелось остаться одной, почувствовала облегчение. И хотя ей было стыдно за свои мысли и отношение к Шубину, поскольку он ни в коей мере не был виноват в ее хандре, а даже наоборот – пытался всячески помочь ей преодолеть подобное настроение, факт оставался фактом: оставшись одна, Юля словно ожила и даже прибавила шагу...

Адрес Ларисы она запомнила наизусть и несколько не удивилась, когда спустя несколько минут увидела перед собой утопающий в зелени дом с округлыми балконами, башенками и вытянутыми готическими окнами. Да, приблизительно этот дом она и представляла, когда слушала Ларису. Но двести пятьдесят тысяч?! Какая же причина могла заставить прежнего владельца продать квартиру так дешево? Даже в случае, если он кому-то задолжал крупную сумму

или ему срочно понадобились деньги для того, чтобы куда-нибудь уехать, он мог запросто продать квартиру в этом доме за миллион...

Юля, задрав голову, любовалась домом. Еще довольно новый, ухоженный, поражающий множеством дорогих, похожих на космические спутники антенн, дом этот, конечно, не мог не раздражать простых горожан, да и жильцы здесь были наверняка не простые – кто-нибудь из администрации города или области.

Дом был окружен черным ажурным забором, через который хорошо просматривался двор с цветочными клумбами, детской песочницей и восемью гаражами, также украшенными башенками. Ей показалось, что они больше похожи на бойницы, в которых можно на случай непредвиденных политических волнений установить даже пулеметы. Она так хорошо себе это представила, что испугалась, когда рядом с собой вдруг услышала мужской голос, и вздрогнула, как если бы прогремел выстрел...

Юля резко повернула голову и встретила взглядом с миниатюрной стильной девицей во всем черном и с конским, черного же цвета, высоким хвостом, придающим ей некую несерьезность и экстравагантность.

– Вы что-то сказали? – спросила ее Юля.

– Да, – прозвучал тот же мужской голос, который, как ни странно, принадлежал этой девице. – Я спросила, не найдется ли у вас зажигалки, а то моя приказала долго жить.

– Я не курю.

– Вы так рассматриваете дом, словно видите его первый раз, – насмешливо проговорила девица, двигая намазанными жирной оранжевой помадой губами и продолжая внимательно рассматривать Земцову. – Приезжая, что ли?

– Красивый дом, да вот жаль только, что в нем живут другие... – Юля решила поиграть немного в дурочку. – Я всегда говорила мужу, что проще да и дешевле покупать уже готовые квартиры, а не строить, но разве мужчин переубедишь?

– Что верно, то верно. Но даже если бы ваш муж согласился купить готовую квартиру, то ему следовало бы это сделать чуть пораньше... Представьте, месяц тому назад у меня сорвалась такая сделка! Один человек продавал квартиру в этом доме, да так дешево, вы себе даже представить не можете. Но я опоздала ровно на полдня – меня опередил мой коллега из другой риэлторской фирмы. Я слышала, что квартира ушла за четверть цены.

Юля посмотрела на нее с недоверием – ей показалось, что девица НЕНАСТОЯЩАЯ, что это Белотелова ее наняла, чтобы придать своему рассказу правдивость: вот, мол, все знают, как дешево стоила эта квартира, на это нельзя не обратить внимания... Разве такое бывает: пару часов назад прозвучал рассказ о квартире и об агенте по продаже недвижимости, и вот она – явилась не запылилась, – риэлторша с хвостом, и говорит ведь наверняка именно о квартире Белотеловой.

– Квартира номер два? – спросила Юля на всякий случай.

– Да, а откуда вы знаете?

– От верблюда... – Юля вздохнула и, развернувшись на каблуках, решила пойти в сторону краеведческого музея, чтобы забыть на время Белотелову и эту хвостатую назойливую девицу. «Вот тебе и хандра, я ведь готова броситься на первого попавшегося человека только потому, что мне плохо...»

Она шла довольно быстрым шагом и не оборачивалась, опасаясь того, что девица увяжется за нею и ответит грубостью на грубость, но шагов позади себя Юля не услышала, а потому все же обернулась – улица была пуста.

«Чертовщина какая-то...»

За квартал от Абрамовской ее догнал на черной старой «Волге» новый знакомый, Зверев. Он пригласил ее сесть в машину и, когда она отказалась, поехал вдоль тротуара, молча сопровождая ее вплоть до самых дверей агентства.

– Послушайте, господин Зверев, это моя работа – следить за людьми, а вы должны выращивать ромашки, сдувать пыль с компьютеров и посыпать себе голову золотом... Не видите разве, что я не очень-то хочу общаться с вами?

Она говорила и словно сама не узнавала себя – откуда вдруг эта беспричинная жестокость и равнодушие?

– Вижу, но еще вижу, что у вас очень грустные глаза и что вы сильно раздражены. Если это вызвано моим присутствием, то я, конечно, уеду...

Она остановилась, перед тем как взойти на крыльцо, и, прикрыв ладонью глаза от солнца, некоторое время рассматривала сидящего в машине мужчину. Темные густые волосы, серые глаза, на которые она обратила внимание еще при первой встрече и которые сейчас почему-то приобрели зеленоватый оттенок, бледные впалые щеки и тонкие пальцы, сжимающие руль.

– Дело не в вас. Просто у меня много работы.

– Я могу вам сегодня позвонить?

– Позвонить? Куда?

– Домой, разумеется...

– У вас и телефон мой есть?

Он ничего не ответил.

– Не знаю... Позвоните, конечно, может, у меня будет настроение получше и я не покажусь вам такой букой... – Она заставила себя улыбнуться. Сейчас она войдет в агентство и увидит сияющую Щукину, которая станет демонстративно опекать своего жениха Крымова и постоянно вертеться в его кабинете, лишая всех возможности нормально работать.

– Пойдите! – Юля вдруг резко повернулась и почти подбежала к начавшему уже отъезжать Звереву. – Пойдите...

Она склонилась к окну и, не понимая, что с ней происходит, вдруг сказала:

– Считайте, что вы позвонили мне еще вчера вечером и я согласилась встретиться с вами... Я прошу вас только не задавать мне пока никаких

вопросов. Пожалуйста... Мы просто немного покатаемся по городу, и все. А я за это время, быть может, приму какое-нибудь решение... Понимаете меня? Очень важное для меня решение.

Через минуту они уже мчались в сторону речного вокзала, и Юля, стараясь заглушить в себе боль при воспоминании о Крымове, плела что-то своему новому знакомому об огромном желании во что бы то ни стало купить квартиру в том самом доме, перед которым она еще совсем недавно стояла раскрыв рот...

* * *

– Ну что, приходил кто-нибудь от Льдова? – спросил по телефону Корнилов Крымова. – Ты чего молчишь, не слышишь меня, что ли?

– Слышу. Я только никак не могу понять, откуда ты знаешь, что к нам кто-то должен прийти, ведь обычно милицию не ставят в известность о том, что из недоверия к ее работе намерены обратиться в частное детективное агентство... – На этот раз Крымов не шутил и был, как никогда, серьезен. – Приходили, конечно. Точнее, приходила его мать, довольно молодая женщина; ты, наверное, видел ее на похоронах?

– Да, я подходил к могиле и, честно говоря, боялся, что стану свидетелем истерики... Но, представь себе, ничего такого не было. Матери Льдова и Голубевой были на удивление выдержанными, плакали, конечно, но не так, как это делают простые женщины – с криками и потерей сознания... Возможно, они еще просто не осознали, что произошло, во всяком случае, про Голубеву я сказал бы именно так... Кстати, вот уж кто-кто, а она-то точно к вам не обратится...

– А с чем ей обращаться, если девочка сама все решила?.. – осторожно, чтобы не показаться циничным, пробормотал Крымов, все еще находящийся под впечатлением визита Вероники Льдовой.

– Дело в том, что лично я не верю в отсутствие предсмертной записки. Дети в подобном возрасте склонны к театральным жестам, для них важным является впечатление, которое они произведут своим поступком, тем более таким трагическим. И лично я просто уверен, что девочка оставила записку, причем скорее всего связанную с именем какого-нибудь мальчика...

- Откуда у тебя такая уверенность?

- Я вчера весь вечер провел у Малышевой, инспектора по делам несовершеннолетних, и начитался там такого, что не приведи господь... Я слышал, конечно, что сейчас среди подростков прямо-таки эпидемия суицида, но чтобы в таком количестве...

- Да брось ты, Виктор, какая еще эпидемия?!

- Согласен, не всегда это заканчивается смертью, но попыток-то, попыток сколько! Мне повезло, к Малышевой пришла девушка-психолог; когда она узнала, кто я и с чем туда явился, она достала свою папочку и показала мне цифры... Нет, ты можешь мне верить, можешь не верить, но в наше время столько не травилось и вены себе не резало... Да я вообще не могу припомнить, чтобы в нашей школе или во дворе кто-то из моих ровесников пытался покончить с собой. Я понимаю, конечно, время было другое, и все такое прочее, можно еще объяснить как-то курение и даже вино, но только не добровольный уход из жизни. Это как же нужно отчаяться, чтобы решиться выброситься из окна или проглотить ртуть, к примеру... Мы вот тут ловим взрослых преступников, сволочей, для которых лишиться человека жизни все равно что прихлопнуть муху, а вокруг, оказывается, столько несчастных детей... Буквально три дня тому назад, в понедельник, на кладбище повесился тринадцатилетний мальчик. Накинул на шею петлю, обвязал концом веревки могильный крест, первый попавшийся, заметь, и присел так тихонько на колени... Ты понимаешь, о чем это говорит? То есть он же мог встать, это же не выбитая из-под ног хрестоматийная табуретка, но не встал, а предпочел уйти из жизни.

- А причина?

- Несчастливая любовь. У него в кармане и записку нашли: мол, из-за такой-то все... И фамилия девочки, тоже, кстати, одноклассницы...

- А почему ТОЖЕ? Ты хочешь сказать, что Голубева отравилась из-за одноклассника? Откуда эти сведения?

- Ниоткуда. Это мое предположение, да еще стечение обстоятельств. Все-таки они погибли в одно и то же утро. Я, между прочим, даже могу предположить УБИЙСТВО Голубевой... У меня к тебе просьба: постарайся, когда будешь

заниматься Льдовым, узнать как можно больше о Голубевой. Чую сердцем, что-то здесь не так... И мать ее слишком уж спокойна...

– Мог бы и не предупреждать. Больше того, я и сам думал о том, что эти две смерти могут быть связаны. И про записку Голубевой я тоже думал, она наверняка существует. Но тогда давай договоримся, что ты будешь держать меня в курсе голубевского дела...

– Да какое там дело! Родители словно воды в рот набрали... Похоже, они восприняли смерть дочери как данность и не собираются заниматься разбирательством и поиском виновного или виновных... А ведь та девушка-психолог познакомила меня вчера с еще одной историей, и она потрясла меня не меньше этих двух, хотя и не закончилась смертью... Но об этом я расскажу тебе при встрече или даже после того, как сам поговорю с девочкой, с которой все это и произошло... Ну да ладно, Женя, работай, надеюсь, что общими усилиями нам удастся найти убийцу Льдова... Ты не знаешь, кстати, кто производил его вскрытие – Чайкин или Тришкин?

– Я могу спросить у Нади.

– Надя... Понятно. Когда на свадьбу-то пригласишь?

– Мы запланировали через месяц, так что готовьтесь там с Сазоновым...

Крымов положил трубку, когда в кабинете, словно из воздуха, возникла Щукина. Улыбаясь, она подошла к нему и ласково потрепала ладонями по щекам; она вела себя так, словно заранее знала, что ей здесь и с этим мужчиной позволено все. Она, казалось, упивалась своей властью над ним, и Крымов, еще не привыкший к такому фамильярно-собственническому отношению, замешенному на желании невесты во что бы то ни стало удивить, потрясти его, стерпел и это. Больше того, он поймал себя на том, что такое грубоватое поведение Нади ему даже нравится, оно возбуждает его. Крымов не узнавал самого себя.

– С кем ты говорил?

– С Корниловым. Ты не знаешь, кто вскрывал Льдова?

– Я все знаю. Кроме того, могу тебя порадовать – кажется, мой бывший муженек завел себе женщину... – Она искренне радовалась, поскольку Чайкин, который тяжело переживал их разрыв, должен был (по прогнозам близких друзей) снова запить. Но не запил, а напротив – решил начать новую жизнь. – А ты все сохнешь по Земцовой? – ни с того ни с сего вдруг спросила она, и Крымов уловил в ее голосе злые и обидные для обоих нотки.

– Сохну, ты же знаешь, – ответил он ей в тон и, поймав ее руку, больно прикусил ее, отчего Надя вскрикнула. – Больно?

– Хорошо, – уже более миролюбиво прошептала она, целуя его, – я больше не буду. Мир?

– Мир. Как тебе показалась Льдова?

– Красивая, но жутко несчастная женщина. Ведь Вадим был, кажется, ее единственным сыном?

Крымов вспомнил свое первое впечатление от Вероники Льдовой: изящная шатенка в синем облегающем костюме, подчеркивающим стройную фигуру, бледное узкое лицо, огромные карие глаза и почти белые губы. Ей от силы тридцать пять лет, а выглядит и того моложе. Она говорила с Крымовым просто, с неизменно спокойным выражением лица, как говорят люди, понимающие, что дело все равно безнадежно, но попытка – не пытка... Она достала деньги, выгрузила толстые пачки денег на стол и уложилась всего в несколько фраз, попросив найти убийцу ее единственного сына, Вадима. Неторопливыми и несуетливыми движениями придвинула к себе предложенные Крымовым лист бумаги и ручку и записала свои координаты, список фамилий тех, с кем был дружен или недружен Вадим, а также возможные причины его убийства, первой из которых была ЗАВИСТЬ.

– А чему завидовали его сверстники? – спросил ее Крымов.

– Да всему. – Она равнодушно махнула рукой. – Абсолютно всему. Начиная с его внешности, ведь он развивался куда быстрее остальных, вон как вымахал за последние три года, превратился в настоящего мужчину. Девочкам нравился, они прямо-таки вешались ему на шею.

– А кто конкретно?

– Понятия не имею. Меня это никогда не интересовало. Нас с мужем волновала его учеба и возможность в дальнейшем перевода его в гуманитарный лицей, где работает моя тетка. Мы так и планировали... Уверена, что, когда вы начнете работать, встречаться с его друзьями-приятелями и учителями, вам непременно начнут говорить о нем гадости. Постарайтесь абстрагироваться от этого и просто ищите убийцу. А причина всплывет сама собой. Не думаю, что она денежного характера...

Именно эта фраза показалась Крымову странной, ведь среди причин, которые она указала, действительно было много чего – за исключением денег. Ревность, зависть, личная неприязнь, месть...

– А почему вы думаете, что она, как вы говорите, не денежного характера?

– Да потому, что эта причина была бы производной от зависти, поскольку у Вадима было все, что он хотел, и вдобавок – нескитанные карманные деньги, которые и могли вызвать эту зависть. Вадим никогда бы никого не шантажировал, не вымогал денег, потому что их у него было достаточно. Вы не смотрите, что я принесла вам сегодня так мало, дело в том, что у нас много наличных ушло на похороны, а остальное все вложено в фирму, муж у меня занимается компьютерами... Если потребуется, мы заплатим вам еще...

Она почти не смотрела на него, взгляд ее был рассеянным и скользил так, словно суть разговора была ей не особенно интересна. Крымов подумал, что она приняла какой-то наркотик. А почему бы и нет?

– Крымов, проснись. – Щукина теребила теперь его за уши, отчего они становились ярко-красными. – Ты о чем-то задумался?

– А ты не знаешь, что это за мужик приходил к Земцовой? Какое-нибудь новое дело? Но если так, почему я не в курсе?.. – Он спросил это скорее по инерции, чем для того, чтобы позлить ревнивую Щукину. С ним это иногда бывало: он обращался к ней, как к прежней Щукиной, своей секретарше, нисколько не задумываясь о последствиях, связанных с их нынешними отношениями.

Но на этот раз даже Шукина не сообразила, что Крымову были интересны, конечно, не деньги, которые он мог бы получить от нового клиента, а сам факт появления в агентстве незнакомого мужчины, который пришел именно к Земцовой. Ведь Юля любит его, Крымова, это аксиома, тогда в чем же дело? Он так ясно вдруг это осознал, что нашел в себе смелость подивиться собственному эгоизму.

– Игорь сказал, что этот мужчина собирается поручить нам проследить за его молодой женой...

Слово «молодой» сорвалось с языка Шукиной случайно, скорее всего потому, что обычно следят именно за молодыми женами. Но именно это слово и успокоило начавшего уже волноваться Крымова: клиент женат, и это прекрасно.

– Кофейку? – попыталась угадать сиюминутное желание Крымова Надя и даже состроила лисью ухмылочку, чтобы только доставить ему удовольствие. Что и говорить, она любила и умела угождать, пожалуй, только ему, Крымову... Жаль только, что Земцова этого сейчас не видит.

Глава 3

Оля Драницына вышла из двери соседней квартиры и, стараясь не шуметь, быстро открыла свою дверь и проскользнула в нее. Дома, на ее счастье, никого не оказалось. Мама снова отправилась на биржу...

В потной ладошке была зажата фиолетовая купюра... Она не знала, почему так происходит, но при виде этих денег мир вокруг нее сразу преобразался и хотелось чего-то невероятного, неиспытанного, недозволенного, безумного...

Запершись в своей крохотной спальне, она только здесь могла разжать руку и насладиться сполна видом обретенного сокровища. Пятьсот рублей – да Тараскиной в жизни не заработать таких денег, она же глупая, эта Тараскина, и ничего в жизни не понимает. Ходит, дура, по школе, звенит сомнительного происхождения цепями, гремит костями, скелетина, сверкая черной искусственной кожей своего прикида, и думает, что круче всех. В половине

шестого утра она, как идиотка, вместо того чтобы сладко спать, садится перед зеркалом, красит ресницы, делает подводку на веках, накладывает в два слоя пудру (жидкую и рассыпчатую), затем поверх этой штукатурки – румяна, а уж потом помаду... Мрак! И зачем все это, если мужчинам нравится естественный розоватый цвет свежих щечек, нежная припухлость губ и век и сами ненакрашенные губы, которые можно целовать и целовать, не боясь испачкаться в помаде, забывая обо всем на свете, как это делает дядя Миша...

Оля встала перед зеркалом во весь рост и начала придирчиво осматривать себя. Тугие голубоватые джинсы плотно облегли стройные бедра, белая трикотажная кофточка с глубоким вырезом подчеркивала мягкие округлости груди и открывала высокую тоненькую шею. Длинные, почти по пояс, золотистые от иранской хны волосы обрамляли улыбающееся личико с безукоризненными зубами, белеющими между розовыми губами...

Она вдруг вспомнила, что не почистила зубы, и помчалась в ванную комнату. Прополоскав рот после пасты, Оля вернулась к себе и позвонила Тараскиной:

– Привет, Леночка, как дела? В школу-то собираешься?

– Собираюсь. У меня только что Томка Перепелкина была, такие вещи про Ларчикову рассказала. Прикинь, на нее собираются завести уголовное дело, но только она еще не говорит, с чем конкретно это связано. Кормила их шоколадными конфетами, хотела умаслить, чтобы добиться у них поддержки на суде, она так и сказала, а потом, прикинь, припомнила ту девку из интерната, помнишь, с которой мы разбирались в посадках, а пацаны наши потом... сама знаешь, что с ней сделали! Она говорит, что сама лично все видела, потому что ей кто-то позвонил и предупредил о предстоящей разборке...

– Ничего себе... – Оля прикусила губу и поморщилась: дядя Миша, похоже, перестарался, и теперь на губе образовалась небольшая ссадина, которая к тому же еще кровоточила. – Ш-ш-с...

– Ты чего шипишь?

– Да так, ничего, возмущаюсь Ларчиковой. Разве она не понимает, что ее могут привлечь уже только за то, что она все видела и ничего не предприняла? Ведь ей придется доказывать, что в посадках она оказалась случайно, и это в девять

вечера?! Смех! По-моему, у этой Ларчиковой не все дома.

- Про снимки спрашивала, не видели ли они их...

- Ну и что?

- А кто их не видел-то? Вся школа! Я, конечно, не знаю, зачем Вадим подстроил ей эту подлянку, но ведь теперь, если только тот дядечка из прокуратуры пронюхает про снимки, все подозрение ляжет на нее...

- Месть вроде, да? Но не думаешь же ты, что Ларчикова сама зарубила Вадьку топором? Я лично не верю. И вообще, мне кажется, что это связано с теми парнями, которые угоняли их машину, помнишь, он рассказывал?

- Да у его отца этих машин - целый автопарк, не думаю, чтобы из-за того, что пацаны взяли льдовскую машину покататься, Вадька стал бы их шантажировать.

- Не знаешь ты Вадьку, Леночка, он мог, он все мог. В общем, так, я в школу не пойду, скажу завтра, что у меня живот болел; если хочешь, поехали со мной в город.

Лена молчала - думала.

- У тебя бабки есть? - наконец спросила она, потому что у нее самой, судя по всему, в кармане от силы трешник, а сорваться с уроков ой как хочется.

- Есть, конечно, есть. Даю тебе минут пять на раздумье, потом позвонишь мне и скажешь, а я пока буду переодеваться.

- Ты что, была у ЭТОГО своего?

Оля усмехнулась: Лена поверила в легенду, будто бы иногда по утрам Оля навещает своего крестного, живущего в соседнем доме пенсионера, у которого моет посуду и подметает, за что получает иногда десять-пятнадцать рублей. Вот и сейчас Ленка, наверно, подумала об этом же.

- У этого, у этого. Ты давай думай скорее...

Ей доставлял удовольствие этот разговор и это распределение силы, которое только сейчас, когда их никто не видел, было естественным. А ведь все в школе уверены в том, что Оля Драницина – «шестерка» Ленки Тараскиной. Да так оно и было в начале их отношений, когда Лена взяла на себя роль защитницы или ЗАЩИТНИКА, то есть МУЖЧИНЫ. Да, они почти целый год играли в мужа и жену, и «муж» нередко избивал свою «жену», но не до крови. Им нравилось играть в сильную и слабую, они получали удовольствие от откровенных прикосновений, от изучения тела друг друга и всего того, что происходило с ними или между ними в моменты наивысшей степени возбуждения... Они развлекались этой игрой, пока Оля была девственницей, и только совсем недавно, когда в жизни Оли появился дядя Миша, все изменилось. Они, конечно, не поменялись ролями, поскольку в этом уже не было никакой необходимости, ведь игра-то закончилась, но отношения их сильно изменились. Они стали на равных, и теперь причинение боли уже не приносило им наслаждения. Кроме того, теперь, когда у Оли стали появляться деньги, Лена и сама не могла относиться к ней по-прежнему. Возможно, они были бы и рады расстаться, но не могли – слишком долго они были вместе, чтобы вот так сразу продемонстрировать всем свое расставание. Ни Оле, ни тем более Лене вообще не хотелось привлекать внимание класса, а потому они договорились вести себя как прежде. А там – видно будет.

– Я уже все придумала. Встретимся на остановке через полчаса, идет? – Последние слова Лена произнесла уже шепотом, наверное, рядом были родители. Послышались гудки. Оля, положив трубку, снова перевела взгляд на стол, на котором все еще лежали деньги.

Сейчас они поедут в пиццерию, затем в кондитерскую, потом в торговый центр, а уж оттуда позвонят Кравцову и скажут, что согласны прийти «к Иоффе» в восемь и что даже привезут с собой пива и чипсов.

* * *

– По-дурацки все получилось у нас с вами, сама не пойму, зачем я согласилась сесть к вам в машину... Ведь мы же совершенно незнакомы, и вообще непонятно, что со мной происходит...

Зверев и Земцова уже почти час сидели в машине неподалеку от дома, в котором жила Белотелова, и беседовали о разных пустяках, не имеющих никакого отношения ни к его интересу к Юле и ее работе, ни даже к тому факту, что она попросила остановить машину именно возле этого дома. Говорили о собаках, деревьях, цветах, золоте (само собой) и курсе доллара, то есть – ни о чем. Улица, залитая янтарным прозрачным светом, наполнилась гуляющими, звенел женский смех, шелестела от редких порывов теплого ветерка листва молодых тополей и каштанов, высаженных, должно быть, одновременно с окончанием строительства этого, как выразилась Юля, «волшебного дома для небожителей».

– Значит, я тоже небожитель? – вдруг спросил Зверев, и Юля с удивлением посмотрела на него, впервые, быть может, заглянув прямо в глаза, и держала этот взгляд достаточно долго, столько, сколько ей понадобилось для того, чтобы осмыслить услышанное и примерить к ситуации, в которую она сама себя, собственно, и загнала, согласившись сесть в эту машину.

– Вы что, тоже живете в этом доме?

– Да, представьте себе. Поэтому я был несколько удивлен, когда вы попросили меня свернуть на эту улицу и притормозить возле ворот. Я так и думал, что вы все знаете...

– А что я, собственно, должна знать? – Юля густо покраснела. Хотя и так было ясно, что она позволила этому и без того самоуверенному типу подумать о ней плохо: мол, сама залетела в силки, по своей воле, и вдобавок зная, где эти самые силки расставлены. Но отрицать сейчас что-либо или тем более доказывать свою неосведомленность – было бы еще глупее, чем просто промолчать. Поэтому она отвернулась к окну и принялась разглядывать литые ажурные прутья ограждения.

– Я купил квартиру в этом доме буквально с месяц тому назад и, признаться, очень доволен этим, тем более...

– ... что она досталась вам дешево, ведь так? – почему-то зло и раздраженно закончила за него фразу Земцова. – Всего за каких-то там двести пятьдесят тысяч рублей?

– Да вы что... – расхохотался Зверев, причем так искренне, что успел своим непосредственным и каким-то детским смехом заразить и Юлю. Но она сдержала себя, хотя и смутилась: что он может подумать? Почему она назвала именно эту сумму? И зачем ей было вообще подтрунивать над ним? Из зависти?

Посчитав, что она уже больше часа (если вообще не все свои двадцать восемь лет) ведет себя как идиотка, Юля приняла решение молчать. Можно было бы и вовсе выйти из машины и распрощаться с этим Зверевым навсегда, но что-то удерживало ее. От этого человека исходило какое-то необъяснимое тепло и покой, больше того, он как будто бы делился с сидящей возле него Юлей своей уверенностью в себе, своей внутренней силой. Это было очень странное чувство, объяснения которому она пока не находила. Нравился ли ей Зверев как мужчина? Пожалуй, хотя по сравнению с Крымовым и Шубиным, с которыми она так сблизилась, Зверев все же был для нее ЧУЖИМ. Она не знала, что он скажет в следующую минуту, как посмотрит на нее, как повернет голову... Он был ПОКА для нее словно чужая территория, чужой континент, который ей предстояло либо осваивать, либо покинуть как можно скорее...

Юля улыбнулась этому образному сравнению.

– Знаете, так и быть, я вам скажу, почему я попросила вас остановиться именно здесь. У меня в этом доме живет клиентка, которая ждет меня. О точном времени встречи мы не договаривались, поэтому, прежде чем я поднимусь к ней, мне придется ей позвонить... Ну а раз мы затеяли разговор о стоимости вашей квартиры, то мне чисто профессионально было интересно узнать, сколько же вы за нее отдали. Будьте уверены, я никому ничего не скажу, но эта информация может мне пригодиться в ведении моего дела...

Юля так спокойно говорила об этом, нисколько не заботясь о соблюдении тайны, не потому, что не понимала, что совершает тем самым почти преступление по отношению к доверившейся ей клиентке, а исключительно из убеждения, что Белотелова – чуточку сумасшедшая женщина, слова которой не стоит воспринимать всерьез и гонорар которой все равно придется возвращать. Да и находится она сейчас здесь просто для очистки совести. Какие еще кровавые брызги на зеркалах? Что за бред?! Хотя именно об этом Юля бы, разумеется, никому не стала рассказывать.

– Полтора миллиона, никакой тайны... для вас, разумеется... Но я считаю, что это дешево, потому что моя квартира потянет на все два. Да что говорить, когда вы

можете сами пройти туда и посмотреть, я приглашаю...

– Прямо сейчас?

– А что такого? Тем более что у вас профессиональный, как вы сами только что сказали, интерес. У меня есть отличное вино, кофе... Я не стану набрасываться на вас – в этом будьте уверены. Хотя, не будь у меня внутренних тормозов, вошел бы в вас прямо сейчас и остался там навсегда...

Юля не помнила, как очутилась на тротуаре – возмущенная, с малиновыми щеками и почему-то подгибающимися коленками... Ничего себе поговорили! Да это не Зверев, а настоящий зверь!

Пошатываясь, она подошла к воротам, которые, на ее счастье, были открыты. Это означало, что она может пройти на территорию дома (охрана, очевидно, существовала, но в каком-то невидимом месте). Непослушными руками Юля достала из сумочки телефон и набрала номер Белотеловой:

– Лариса? Это Юлия Земцова, я сейчас стою у ваших ворот. Скажите, на меня не набросятся цепные псы или охранники с дубинками?

– Ой, как хорошо, что вы пришли! – взволнованным голосом проворковала Лариса на другом конце провода. – Не могу сказать, что у меня появились новые доказательства полтергейста или, я не знаю, как все это можно назвать, но то, что меня просто-таки колотит от страха, – это точно... Проходите смело в подъезд, увидите узкую лестницу, ведущую вверх, прямо ко мне. Дело в том, что здесь у нас всего две квартиры, так что – не ошибетесь. Ой, да я вас вижу, поднимите голову, и вы тоже увидите меня...

«Идиотка», – снова подумала про нее Юля и слабо помахала ей в ответ: она действительно увидела светлую фигурку в окне дома на втором этаже.

– Уже уходите? – услышала она голос прямо над ухом и испуганно шарахнулась в сторону.

Рядом стоял Зверев с виноватым лицом; он заметно посерьезнел, а глаза глядели прямо-таки жалобно.

– Вы обиделись на меня... Я понимаю. Простите песика и почесайте его за ушами... – Он склонил голову, словно ожидая, когда она и в самом деле почесает его...

– Знаете что, я сама виновата... спровоцировала... У меня нет ни малейшего желания ссориться с вами, тем более...

– ... тем более что мы и подружиться-то еще не успели. Так вы теперь не зайдете ко мне?

И тут они услышали крик, душераздирающий женский крик. Он доносился как раз со стороны подъезда, в который Юле предстояло сейчас войти, чтобы подняться к Белотеловой. Зверев кинулся туда, Юля – следом.

Там, на лестничной площадке между первым и вторым этажом, лежала в расплывающейся прямо на глазах луже крови женщина в черных кожаных брюках и блузке; черные волосы ее, собранные в высокий хвост, уже успели напитаться кровью, которая сочилась из раны на виске; оранжевая помада на губах несчастной смотрелась теперь так нелепо...

– Агент по недвижимости... – почти хором произнесли Юля и ее спутник и в удивлении уставились друг на друга.

– Белотелова... Лариса... – Юля бросилась вверх, предчувствуя недоброе. Ведь после такого крика Лариса могла выбежать или приоткрыть дверь, тем более что она ждала прихода Юли, и этот крик мог бы принадлежать и ей.

Единственная дверь на площадке второго этажа была распахнута, и прямо на пороге лежала Лариса с большим кровавым пятном на белом шелковом халате.

Она была еще жива, когда Юля, приподняв ее голову, приложилась ухом к тому месту, где должно было биться сердце. Оно хоть и слабо, но билось...

Зверев между тем бросился в квартиру, пытаясь увидеть убегающего преступника; тот мог уйти только из квартиры Ларисы, поскольку через дверь подъезда никто не выбегал.

– Вызовите «Скорую» и милицию! – крикнула, продолжая поддерживать голову побледневшей Ларисы, Юля и мысленно попыталась представить себе, что же тут произошло и куда мог скрыться убийца. Слишком быстро все было сработано, слишком неожиданно...

* * *

– Игорь, надо обойти друзей-знакомых Льдова, а Надя тем временем займется результатами его вскрытия... Предстоит работа, а потому прекрати названивать Земцовой, успокойся и возьми себя в руки...

Крымов отчитывал Шубина в своем кабинете, как мальчишку. Понятное дело, что он не имел права этого делать, поскольку примерно ту же самую фразу мог бы сказать и сам Шубин в отношении Крымова: тот тоже маялся из-за того, что Земцова исчезла в неизвестном направлении, никого не предупредив, и тоже, видимо, по-своему томился без нее. «Привык, наверное», – подумал Шубин, вставая со своего места, и, вместо того чтобы вмазать Крымову по его красивой физиономии, лишь хмыкнул и направился к двери, нервно сжимая в руке листок со списком ближайшего окружения Льдова. Ему ничего не стоило устроить скандал и бросить ко всем чертям и Крымова с его агентством и насмешками по поводу влюбленности Шубина в Земцову, да и саму Земцову, так жестоко поступившую с ним, отвергнув его в тот самый момент, когда он считал ее уже почти женой. Но Шубин не делал этого из чувства меры. Он считал, что даже у негативных чувств должна быть своя мера. И даже злиться на Крымова надо тоже в меру, не унижаясь и не выказывая до конца своей боли. А что уж говорить о любви к женщине... Исчезнуть, уехать из города, чтобы обо всем забыть, – это ли не бегство от самого себя, это ли не демонстрация своей слабости? Тем более что внутреннее чувство подсказывало ему, что Юля к нему еще вернется. Просто для того, чтобы понять, что же на самом деле происходит вокруг нее и с ней, ей потребуется какое-то время. И Шубин ей это самое время дал. Как дал и Крымову, простив этот начальственный (а не дружеский) тон, с которым тот позволил себе обращаться с ним. Выдержка, в первую очередь выдержка...

С этой мыслью он миролюбиво (как если бы это происходило год-полтора назад, когда отношения между всеми в агентстве были еще не испорченными) подмигнул восседающей за столом в приемной королеве Щукиной и вышел на солнечную, золотистую улицу...

Первым в списке стоял Виктор Кравцов. Он жил возле стадиона «Динамо», на Радищевской улице, имелся у него и телефон.

– Здравствуйте, мне бы Виктора Кравцова.

– Слушаю. – Голос недовольный, с хрипотцой.

– Моя фамилия Шубин. Я занимаюсь делом об убийстве Льдова. Мне необходимо с вами встретиться. Можем у вас дома, а можем на нейтральной территории, как вам будет угодно.

Кравцов, по-видимому не привыкший, чтобы к нему обращались на «вы», сказал, что может прямо сейчас выйти к главному входу на стадион, там есть небольшое летнее кафе, где можно спокойно поговорить. На том и порешили.

Игорь быстро нашел это кафе, сел в тени за столик под белым полотняным колокольчиком навеса и попросил обкуренную донельзя официанточку в красных туфлях-лодочках и каком-то светлом прозрачном балахончике принести ему кофе.

Он не сразу понял, что высокий, худощавый, стильно одетый молодой человек в широких клетчатых брюках, белой рубашке и бархатной жилетке и есть тот, кого он ждал. Он предполагал увидеть перед собой долговязое, нескладное прыщавое существо в помятой и несвежей футболке с американизированной надписью на груди «Fuck you are all», в потертых серых джинсах и бейсболке – общий прикид всех подростков города. А тут вдруг кричащий дорогой жилеткой индивидуализм, подчиняющий окружающее общество клетчатыми шикарными итальянскими брюками (Шубин видел такие на прошлой неделе в магазине «Патрон» и еще подивился их стоимости) и горьковатым ароматом дорогого парфюма. «Вот тебе и девятиклассник», – подумал Игорь, когда понял, что подошедший к его столику парень, уверенно представившийся Виктором Кравцовым, и есть лучший друг покойного Вадима Льдова.

– Как вы догадались, что это я? – спросил Шубин, хотя ответ знал заранее. Просто ему хотелось услышать голос парня, и уже по той интонации, с которой Кравцов сейчас скажет ему, что во всем кафе только один посетитель и кем же ему еще быть, как не Шубиным, он бы уже смог определить, в каком ключе вести беседу, как себя с ним вести: на равных или немного поиграть с Виктором в

поддавки?

– А я и не догадывался, – окидывая Шубина ироничным и насмешливым взглядом, спокойно произнес Кравцов. – Просто сказал, и все. А вы откуда?

– Из частного сыскного агентства Крымова, может, слышал?

– Слышал. Вас наняли родители Вадима?

– Да. Если позволишь, я буду с тобой на «ты».

– Валяйте. Но учтите, что я буду только отвечать на вопросы, на искреннюю беседу не рассчитывайте. Я вас совсем не знаю, не верю ни вам, ни милиции, но, с другой стороны, мне чертовски хочется, чтобы убийц Вадыки нашли... Он был хорошим парнем, его в нашем классе все любили. Это он сделал из меня человека, научил жить, ходить в бассейн, носить нормальную одежду, целоваться с девчонками, решать задачки по физике и алгебре, чистить по утрам зубы, разбираться в одеколоне и играть в теннис... Он был моим лучшим другом, и лишь с ним я стал понимать, что меня окружают не только подлецы и негодяи, но и нормальные парни...

– Вадима могли убить из-за денег?

– Не знаю, за что его могли убить, но убили... У него было много девчонок, он ходил с ними на дискотеки, отбивал у парней... Он выглядел куда старше своих лет, впрочем, как и я, и убить могли уже только за это. Что касается разборок, связанных с деньгами, то навряд ли – у Льдова была «крыша». Отцовская. Группировка Глухаря. Все об этом знали, а потому никто никогда на него не наезжал. Да и не за что было. Он жил в свое удовольствие и никого не трогал. А зависть... Она всегда была, есть и будет, сами знаете. Мне вот тоже завидуют уже за то, что у меня отец замдиректора рынка и что я дружу с Льдовым. Пытались подставить меня, подкидывали наркоту в портфель (умора!), но Вадыка всегда меня вовремя предупреждал: его через своих людей информировал Глухарь. И с какой это стати за отца должен отвечать сын, тем более что мой отец в прошлом году бросил нас с матерью...

– Может, Вадима убили из-за наркотиков?

– Вы, что ли, принимаете меня за идиота? Даже если и впрямь было так, неужели вы думаете, что я вам что-нибудь расскажу?! Но наркотики – нет. У нас другие развлечения. У кого есть деньги, в городе не соскучишься. Может, вы не знаете, где сейчас тусуется молодежь? Казино «Черный Джек», кабак «Изумруд», да вся набережная вечерами на ушах стоит... Травку мы, конечно, пробовали, но пусть ее курят лохи... Я не знаю, за что убили Вадьку.

– Дома у него все было нормально?

– У него мать классная, понятливая, добрая... никогда и ни в чем ему не отказывала. А отец вечно на работе, часто в отъездах, Вадим о нем почти ничего не рассказывал. Но жили они все втроем нормально, никаких скандалов, разборок...

– Значит, отец не вникал в дела Вадима? Был не в курсе его личной, так сказать, жизни?

– Нет, думаю, что Вероника ему все рассказывала...

– Вероника?

– Так зовут его мать. Она красивая, молодо выглядит, поэтому мы и называли ее между собой Вероникой.

– И Вадим тоже?

– Да нет, это в основном я... Он называл ее коротко: «ма».

– Понятно. Скажи, Виктор, а в каких отношениях был Вадим с Наташей Голубевой?

– Интересный вопрос. Ни в каких. Вернее, она была в него влюблена, а он ходил с другой девчонкой. – Кравцов посмотрел на часы, и брови его удивленно взлетели вверх.

– Ты опаздываешь?

– У меня встреча с девчонкой...

– Понял... Скажи, когда ты в последний раз видел Вадима?

– За день до смерти. В школе, как обычно. У нас было много дел, надо было готовить реферат по химии, переписывать билеты по истории, учить английский, готовиться к зачету... Мы даже вечером не встречались, я позвонил ему домой, Вероника сказала, что Вадим уже спит, что ему нездоровилось, что-то с желудком, кажется, они купили несвежий торт... А утром я пришел в школу и узнал, что его нашли в классе...

– Что же это, выходит, он не спал тогда, когда ты разговаривал с Вероникой, а его просто не было дома?

– Думаю, что он вышел ночью и зачем-то пошел в школу. Такое с ним иногда случалось. Там на первом этаже, где кабинет биологии, окна совсем низко, решетка отходит, а открыть форточку ничего не стоит... Мы иногда ночью забирались туда... с девчонками, но ведь это не преступление? Где еще встречаться? Не в подъезде же. Когда предки на даче, то собирались у меня... Возьмем пивка, рыбки, сигарет, само собой...

– А Вадим был откровенен с тобой?

– Думаю, что да.

– Он рассказывал тебе о своих проблемах, неприятностях?

– Нет, ничего такого в последнее время он мне не говорил. У нас экзамены на носу, он собирался переводиться в какой-то гуманитарный лицей, там у него, кажется, тетка...

Крымов, отправляя Шубина на встречу с Кравцовым, слегка проинструктировал его относительно того, что говорила по поводу этих встреч с окружением Вадима Вероника Льдова, а потому Шубин был готов, что непременно услышит про Вадика какую-нибудь гадость (как предупреждала Вероника). Но пока ни одного дурного слова от лучшего друга Льдова он не услышал. Может, на то он и есть лучший друг, чтобы говорить об убитом только хорошее.

– А это правда, что его зарубили топором? – Кравцов уже поднялся со стула и теперь всем своим видом выказывал желание как можно скорее уйти отсюда. Он явно спешил.

– Правда... – вздохнул Шубин, тоже поднимаясь, но потом спохватился: – Да нет же, еще ничего не известно... Просто похоже на рубленую рану, но пока это неофициальные данные. А что, у тебя есть сведения о каком-нибудь топоре?

– У нас в мастерской, где проходят уроки труда, полно и топоров, и молотков, и чего угодно, а попасть туда может любой. Надо бы пересчитать все топоры и вычислить, не исчез ли из мастерской один из них...

– Правильно, мы так и сделаем. У меня за углом машина, я могу тебя подвезти...

– Да нет, я сам.

– Виктор, а ты не должен был Льдову деньги?

И тут вдруг Кравцов покраснел, уши его, прикрытые русыми волнистыми прядками, просто запылали.

– Нет, а с чего вы взяли?

– Я тебе позвоню, – уже более жестко ответил ему Шубин и, резко развернувшись, пошел в сторону проулка, где оставил машину. Он вдруг понял, что потерял целый час.

* * *

– Вот, пожалуйста, угощайтесь. – Ларчикова протянула Крымову коробку, полную шоколадных конфет. – Это меня ученики балуют...

На Татьяне Николаевне был темно-синий бархатный халат, то и дело распахивающийся на пышной высокой груди, плавно переходящей в белую лебяжью шейку, увитую тщательно уложенными тонкими локонами, сладковато пахнущими лаком. Маленькая головка Ларчиковой была словно сделана из

фарфора – такая же хрупкая на вид, с матовым бело-розовым личиком, искусно расписанным тонкой кистью художника (выразительные темные глаза, четко очерченные темно-розовые губки «вишенкой», кукольно-аккуратный носик) и высоко забранными в небрежно-изящную прическу волосами цвета августовской соломы. «Такую женщину хочется съесть, – подумал Крымов, – а потом закусить соленым огурцом – до чего приторна, аппетитна и вместе с тем как будто ядовита...»

– ... Я говорю им, что конфеты нынче дороги, что мне незачем делать такие подарки, но 8 Марта – это святое, отвечают мои ученики... У меня секретер набит коробками с печеньем и пачками поздравительных открыток. Приятно, знаете ли... Я понимаю, что вы пришли ко мне не чай пить, но все равно, мы же интеллигентные люди, должны немного привыкнуть друг к другу, чтобы потом спокойно поговорить обо всем.

Крымов подумал, что если такие дуры, как Ларчикова, учат детей, то обществу действительно грозит полное разложение. И незамедлительное. Тем более что на коробке шоколадных конфет, которыми она его угощала, стоял штамп недельной давности – ей не могли подарить на 8 Марта шоколад, произведенный в апреле. Значит, он был куплен либо ею самой, либо ее любовником, поскольку она не замужем (он понял это, когда мыл руки в ванной комнате, в которой напрочь отсутствовали следы ПОСТОЯННОГО мужского пребывания). Что касается его предположения насчет любовника, то у такой знойной полногрудой самочки, какой была Ларчикова, просто не может не быть любовника. Она и Крымова уже записала в свой арсенал как потенциального сексуального дружка, это тоже бросалось в глаза. Во всяком случае, Крымов был уверен, что протяни он только руку, и этот спелый, с червоточинкой плод с готовностью упадет ему в ладонь... Об этом свидетельствовали ее многозначительные томные взгляды и вздохи, выставленная напоказ грудь и откровенное, ничем не прикрытое кокетство.

– Вадик Льдов... Боже мой, как представлю его в гробу, становится не по себе... Ну за что? И, главное, кто мог решиться на такое зверское убийство? Вам уже известны результаты экспертизы?

– К сожалению, нет.

– И как он вообще оказался в такую рань в классе? Некоторые говорят, что он пришел в школу еще вечером, другие утверждают, что утром. Вот бы узнать,

когда же наступила смерть и от чего? Чем его убили?

И вдруг плечи ее затряслись, тело проняла крупная нервная дрожь, а потом Ларчикова так громко, в голос, надсадно, со стоном и, как ни странно, искренне разрыдалась, что Крымов даже удивился. Вот уж чего он не ожидал, так это рыдания по поводу смерти ученика.

Успокоившись, Татьяна Николаевна извинилась, пробормотав при этом: «Не выдержала... Крепилась-крепилась, а тут не смогла...» – после чего шумно высморкалась, сходила в ванную умылась и, вернувшись, отпила немного чаю.

– Вы хотите поговорить со мной про снимки? – спросила она обреченным тоном. – Спрашивайте, но я ни в чем не виновата...

Поскольку Крымов был не в курсе, Ларчикова рассказала ему о том, как Вадим Льдов с Виктором Кравцовым решили над ней подшутить. Поздно вечером, когда она оставалась в классе одна, разделась в мужском туалете, находящемся буквально через стенку, и решили сфотографировать свою классную руководительницу рядом с голым Льдовым.

– Представляете, он подошел ко мне сзади и обнял меня... А получилось так, будто мы оба раздетые, потому что он оголил мое плечо... – И Ларчикова принялась рассказывать в подробностях обо всем, что произошло в тот злополучный вечер, как делала это совсем недавно, обращаясь к своим ученицам.

Она оправдывалась, и было видно, что эта история с фотографиями доставила ей немало неприятностей, поскольку директор школы ясно дала понять, что ждет ее заявления об уходе.

– А мне можно взглянуть на эти снимки? Ведь вы же не маленькая и прекрасно понимаете, что после того, что произошло, вы – одна из подозреваемых... – Он нарочно сказал это, чтобы чуточку припугнуть Ларчикову и посмотреть, как отреагирует она на эти слова.

– Снимки? Пожалуйста... – Она покраснела и с готовностью достала из секретера, в котором действительно виднелась стопа конфетных коробок и красивые бутылки, голубой конверт со снимками.

Сделанные непрофессионально, явно случайные кадры действительно могли бы послужить компроматом против Ларчиковой, если бы не выражение ее лица на них: испуганное и злое одновременно. Но какова идея?! И, главное, зачем подобное понадобилось этим пацанам?

– Может, они хотели отомстить вам за что-то? Не могут же ученики ни с того ни с сего подшутить так жестоко? Разве они не понимали, что может последовать за этими снимками? Татьяна Николаевна, если вы хотите, чтобы я отыскал настоящего убийцу Льдова, мне необходимо выяснить, не было ли неприязненных отношений у вас с ним, и только после этого я смогу уже более спокойно вести расследование...

Крымов валял дурака, говоря ей это, поскольку у него не было ни малейших причин подозревать Ларчикову в убийстве ученика: перед тем как поехать к ней, он дождался результатов звонка Щукиной в морг, Чайкину, который производил вскрытие трупа Льдова, и узнал, что смерть парня наступила приблизительно в семнадцать часов пятого апреля, то есть в понедельник вечером, когда в школе было полно народу. В это время Ларчикова, как удалось ему выяснить из телефонного разговора с директрисой школы, находилась с остальными учителями в актовом зале, где проводилась репетиция концерта, посвященного выпускному вечеру. Ларчикова принимала в ней самое активное участие и никуда не отлучалась. Что же касается самоубийства Голубевой, то девочка выпила гремучую смесь – огромное количество феноталбарбитала – около полуночи, тоже пятого апреля, что в принципе исключало возможность убийства: ведь в квартире находились родители девочки и никаких посторонних следов в ее спальне не обнаружили. Да и на стакане были лишь отпечатки пальчиков Наташи.

Другое дело, что Ларчикова могла нанять какого-нибудь подонка, чтобы тот за бутылку водки совершил это кровавое дело – примеров найма подобного рода киллеров-алкоголиков было в городе уже вполне достаточно. Оставалось только доказать причастность классной руководительницы к убийству своего ученика, а вот это как раз было бы делом не из легких. Но это лишь одна из многочисленных версий. Еще одна, причем самая приемлемая относительно этой школы, – наркотики. Среди старшеклассников наркомания была распространена настолько сильно, что во время рейдов милиции чаще всего попадались ученики именно этой, семьдесят шестой школы. И что бы ни говорила Вероника Льдова о том, что ее сын не нуждался в деньгах и что у него якобы все было, деньги никогда не бывают лишними, да и что такое для нее большие деньги – тоже

вопрос, поскольку все, как известно, относительно. Она могла просто не знать об истинных запросах своего сына. Вадим мог вляпаться в историю с наркотиками, продать пусть даже и небольшую партию, а затем обмануть поставщика с оплатой. Обычная история. А то и вовсе придумать байку о том, что пакет с ценным порошочком у него украли или что-нибудь в этом роде. За это, как правило, и убивают. Но как доказать это? Остается одно – следить за Кравцовым.

– За что мне мстить ему? – плаксивым голосом простонала Ларчикова. – У меня с Вадиком были хорошие отношения, можете спросить у кого угодно. Да и с Витей тоже. Я же их знаю с пятого класса. Просто это переходный возраст, больше никакого объяснения я не нахожу.

– Может, мальчики были пьяными, когда ввалились в класс и начали вас снимать?

– Вполне возможно, потому что я от девочек слышала, что наши мальчики время от времени пьют на переменах пиво, а то и вино, а потом прямо-таки засыпают на уроках. Сами видите, в какое время мы живем...

– Я вижу, что вы от меня что-то скрываете... Но это – ваше право. Только если я пришел сегодня к вам с единственной целью – вычеркнуть вас из списка подозреваемых и тем самым сузить их круг, то теперь понимаю, что надеялся на это зря. И что все слухи, которыми полнится школа, не случайны.

– Да что вы такое говорите?! Вы подозреваете меня в убийстве Вадика? Но я не убивала его! За что? – На выпуклом, гладком, порозовевшем лбу Ларчиковой выступили капли пота: она занервничала и теперь суетливо озиралась по сторонам, словно в поисках поддержки. Но в комнате, да и в квартире, судя по всему, у нее вообще не было защитника, и Крымов даже подумал, что и это тоже неспроста. Что за стройной и соблазнительной Ларчиковой скрывается некая тайна, которой наверняка владел Вадик Льдов. Эта мысль пришла неожиданно и заслонила собой все остальное. А что, если Льдов шантажировал Ларчикову? Крымов поймал себя на том, что, будь классная руководительница 9 «Б» не столь привлекательной, он бы ни за что не додумался до такого. Но Ларчикова... Да, безусловно, было в этой молодой женщине нечто такое, что заставляло думать о ней только как об объекте соблазнения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она была не замужем, вела, судя по всему, соответствующий ее положению свободный образ жизни, в котором имели место случайные связи.

Они и могли послужить предметом сплетен и шантажа со стороны ее драгоценных учеников. Такая женщина – знающая себе цену и умеющая пользоваться своей сексуальностью, не могла бы довольствоваться скромным жалованьем школьной учительницы. И любой мужчина, без исключения, согласился бы на связь с ней – настолько она была хороша. И что дурного в том, что ее кто-то содержал, содержит или даже СОДЕРЖАТ?

Все эти мысли пришли Крымову одновременно с предположением несколько другого характера. Что такое школа? Если говорить о тех, кто учит, это в основном женский коллектив. А как там относятся к красивым женщинам, да еще отличающимся легкомысленным поведением? Их не очень-то любят и всячески стараются выжить, чтобы не видеть каждый день перед собой кого-то, кто превосходит вас. А тут еще эти снимки... Что, если сама директриса дала задание Льдову и Кравцову спровоцировать Ларчикову?

Крымов замотал головой: он явно перефантазировал.

– Татьяна Николаевна, может быть, ваш муж как-то связан делами с отцом Вадика Льдова?

– Муж? Но я не замужем... – пожала плечами Ларчикова. – Разве вы, человек, каждый день сталкивающийся с людьми и работающий на интуиции, еще не поняли, что я живу одна? Да это видно невооруженным глазом! Какой же вы психолог, когда...

– Но вы могли быть разведены... – не дал ей договорить Крымов. – Разве нет?

– Тоже верно...

Крымов посмотрел на часы: Надя уже давно ждет его в агентстве, чтобы поехать домой. Что же такое с ним происходит, отчего ему не хочется уходить из этой комнаты, от этой женщины, с которой он мог бы...

Он, слегка привстав, схватил ее грубо и властно, словно она уже давно принадлежала ему, за руку и, притянув к себе, усадил на колени. Она не сопротивлялась, однако ее лицо оставалось серьезным. «Примерно так же, наверное, вели себя и другие мужчины, – подумал он, – которые бывали здесь и которых она угощала чаем или коньяком. Она примагничивала к себе и без того

наэлектризованную мужскую плоть, заставляя мужиков чувствовать себя животными, целиком и полностью зависящими от инстинктов. Ларчикова. Да кто ее вообще пустил в школу? Разве таких женщин можно подпускать к подросткам? Ее кожа – нежная, прохладная и шелковистая – соткана из порока, а голова набита фотографиями обнаженных мужчин. Нимфоманка, вот кто она, эта Ларчикова. А он, Крымов, последняя сволочь, только и умеющая, что раздевать женщин, обнимать их податливые и жаждущие уверенного хозяйского прикосновения тела и находить в них временные и уютные пристанища своей мужской сущности...»

Внутри Ларчикова оказалась так же хороша, как снаружи, вот только слишком горяча...

– У тебя нет температуры? – спросил он, чувствуя, как вплавляется в нее и не может остановиться, чтобы вернуться в оболочку того Крымова, которого они придумали вместе с Надей Щукиной.

Щукина... Как же она ошиблась в нем, как просчиталась... Бедная Надя.

* * *

– Вас как зовут-то?

– Сергей.

– Понятно, а то я все Зверев да Зверев...

Они стояли на крыльце и смотрели, как из подъезда выносят носилки сначала с телом девушки в черном, а затем и раненой, еще не пришедшей в сознание Ларисы Белотеловой. Следом в облаке дыма показался Корнилов – он яростно курил и кого-то искал глазами. Наконец, увидев Земцову, махнул рукой и направился к ней.

– Везде успеваешь, Земцова... Ты-то здесь как оказалась?

– Так мы и вызвали милицию и «Скорую»... У меня дело было к ней, я пришла, предварительно, кстати, позвонив, но, как видите, немного опоздала... Не

представляю, куда мог деться убийца, ведь мы были уже у подъезда, когда раздался этот ужасный крик...

- Так вы, стало быть, и есть единственные свидетели?

- Стало быть... Мне можно туда пройти?

- Можно, но только если ты мне расскажешь, что у тебя за дело было к этой дамочке... И кто она вообще такая?

Юля повернула голову, чтобы взглядом дать понять стоящему рядом с ней Звереву, что беседа со следователем прокуратуры будет конфиденциальной, но опоздала: он и сам, догадавшись, что может помешать, медленно шел по направлению к скамейке, расположенной в двух шагах от ворот.

- А это кто еще?

- Мой знакомый, он не имеет никакого отношения к Белотеловой. Это фамилия раненой женщины.

Корнилов записывал.

- Она приезжая, очень дешево купила эту квартиру. Ей это показалось подозрительным, вот она и пришла, чтобы мы выяснили, ЧИСТАЯ ли квартира, - отчаянно врала Юля, предпочитая пока не раскрывать все свои карты, чтобы не потерять Белотелову, ставшую теперь уже куда более интересной клиентку. - Знаете, как это бывает... Продали квартиру в спешке, а в ней либо прописаны военнослужащие, либо родственники, находящиеся на излечении в психушке...

- Об этом надо было думать раньше... Но я понял, что ее задело случайно. Целились-то в голову той, что с хвостом...

- Эта девушка - агент по недвижимости, я успела перебраться с ней парой слов за несколько часов до того, как все это произошло... Она, кстати, подтвердила, что недавно ее опередил другой риэлтор, которому удалось очень дешево продать квартиру номер два, как раз ту, в которой живет Белотелова. Я думаю, что надо начать поиски преступника именно с той риэлторской фирмы,

которая занималась этой квартирой, а конкретно – найти Сашу, агента...

– Юлечка, да ты просто клад! Ты, кажется, хотела подняться в квартиру? Пойди посмотри, а потом позвонишь мне вечерком, хорошо? Будем работать вместе.

– А что там с Льдовым и Голубевой?

– Вот позвонишь мне, тогда и поговорим, а лучше – приезжай сама. Интересные вещи вырисовываются... Привет Крымову и всем остальным...

Юля поднялась в квартиру и обнаружила работающих там экспертов – Зыкова и Емельянова. Увидев ее, они поздоровались.

– Он ушел через окно... – сказал толстячок Костя Зыков, ползающий по полу с кисточкой в руке и пытящийся от непомерных для него усилий. – Смотри, следы мужских башмаков видны невооруженным глазом, и ведут они прямехонько к окну, а вот и на подоконнике грязь... Очень удобное расположение окна – можно спрыгнуть прямо на крышу башни, оттуда на крышу гаража и... в машину. Надо проследить весь его путь до дороги, а уж там – как повезет.

– Что-то, мальчики, я не пойму: если преступник решил убить девушку, агента по недвижимости, то как он оказался в квартире Белотеловой? Ведь за несколько минут до убийства здесь точно никого не было, потому что я звонила сюда и договаривалась с нею о встрече. Значит, буквально в считанные минуты убийца спустился, предположим, с чердака, где прятался все это время, выбирая удачный, на его взгляд, момент для нападения, после чего либо позвонил Белотеловой зачем-то и выстрелил в обеих, что маловероятно, либо выстрелил в агента и хотел было уже сбежать вниз, но, услышав наши шаги и голоса, позвонил Белотеловой в дверь (или она сама открыла ее из любопытства, что тоже маловероятно, – женщина, услышав выстрел, не станет открывать двери)... Словом, он каким-то образом оказался в квартире и выстрелил в Белотелову... Экспертиза покажет, в кого из них стреляли в первую очередь... А где, кстати, Чайкин? Что-то я его нигде не видела.

– Я здесь. – Леша Чайкин, бледный, вышел из туалета с виноватым видом. – По моему, меня тоже пора вскрывать... Привет, Земцова!

– У тебя проблемы?

– Как и у всякого нормального человека. Кажется, я опоздал и они уже уехали? – Он имел в виду машину «Скорой помощи», которая могла бы доставить его вместе с телом несчастной девушки в морг.

– Что ты можешь сказать?

– А то, что все люди сволочи, раз позволяют себе убивать друг друга. Молодая баба вошла в подъезд, и ее укололи выстрелом в упор. За что, спрашивается?

– Леша, по-моему, ты должен задавать себе другие вопросы... – подал голос Зыкин, продолжавший корпеть над отпечатками мужских башмаков. – И вообще, чем это тебя таким накормили, что на тебе лица нет?

– Главное, чтобы на человеке была одежда, Зыкин, и не учите ученого... А вообще, ребятки, по-моему, меня хотели отравить. Вот только кто? Это вопрос.

– Щукина, – хохотнул молчавший до этого Емельянов, с лупой рассматривающий что-то на косяке двери. – Не пойму – не то кровь, не то помада. Что-то красное и жидкое...

– Варенье, наверное, – подсказала Юля, – или клубника. Скорее всего именно клубника, потому что пахнет ею...

Она прошла на кухню и, увидев стоящее на подоконнике блюдо со свежей клубникой, поняла, что не ошиблась.

– А что, если ее просто хотели ограбить? – спросила она сама себя вслух, поскольку состоятельность Белотеловой прямо-таки бросалась в глаза. Начиная с самих роскошных апартаментов и кончая свежей (апрельской!) клубникой, которую хозяйка приготовила именно для нее. А почему бы и не угостить частного детектива витаминчиками в период авитаминоза?

– Где она работает? – Леша Чайкин вошел на кухню следом на Юлей.

– В парикмахерской, представь себе. Ты вот, Леша, возишься по уши в дерьме (извини меня, пожалуйста), чтобы прокормиться и прикрыть дыры на штанах, – вдруг разошлась не на шутку Юля, – а эта Лариса Белотелова (обрати, кстати,

внимание на фамилию! Может, действительно судьба человека во многом зависит от имени и фамилии?!) стрижет ногти, а заодно и купоны...

- Какие еще купоны? - не понял Чайкин, воровато оглядываясь и запуская руку в гору клубники. - Все равно ж пропадет...

- Чертовщина какая-то... Ну что, Земцова, пошли по домам?

- Я не могу, у меня здесь еще дела... Послушай, Чайкин, ты хороший парень, умный, все понимаешь. Мне надо бы остаться здесь, в этой квартире, на ночь. Позарез. Если ты пообещаешь, что будешь молчать, я тебе кое-что объясню...

- Да брось ты, Земцова, говори, что надо делать, и будь спокойна... Хочешь, чтобы я отвлек ребят и сделал вид, что ты ушла?

- Ты - умница.

- Знаю, да только никто меня не любит.

- Но это еще не все.

- Хочешь передать своему дружку весточку: мол, не жди меня и езжай своей дорогой?

- Правильно! Он и отвезет тебя, куда попросишь.

Она достала блокнот, написала Звереву записку, чтобы он перезвонил ей в девять вечера по номеру Белотеловой для того лишь, чтобы не получилось так, что она останется на ночь в квартире, наполненной призраками, одна и никто об этом не будет знать. После чего вырвала листок, сложила записку и отдала ее Чайкину:

- Ну что, с богом?

- С богом. Прячься.

Юля зашла за высокий холодильник и затаилась там.

Она слышала, как хлопнула входная дверь, затем голос Чайкина оповестил всех о том, что «Земцова поехала к Корнилову – хлеб отбирать»... Она усмехнулась: еще неизвестно, кто у кого хлеб отбирает.

Глава 4

На столе Корнилова лежал коричневый толстый конверт. В нем находилось заключение судебного медика Чайкина, которого все почему-то называли «патологом». Но ведь «патологи», или, если правильнее, патологоанатомы, вскрывают, как правило, людей, умерших естественной смертью. А разве смерть в четырнадцать лет может быть ЕСТЕСТВЕННОЙ?

Заключение по результатам вскрытия трупа Голубевой было более чем интересным. Оно было шокирующим и заставляющим уже иначе воспринимать семью Голубевых, да и все общество в целом.

Рядом с этим конвертом лежал аккуратный тетрадный листочек с характеристикой ученицы 9 «Б» Голубевой Наташи, из которой выходило, что она просто-таки пай-девочка. Так чему же верить: заключению или школьной характеристике?

Если исходить из медицинского заключения, девочка жила интенсивной сексуальной жизнью: состояние повреждения ее половых органов свидетельствовало о том, что ученица девятого класса прошла, что называется, огонь и воду, прежде чем решилась отправиться на тот свет. Так, к примеру, результаты вскрытия показали, что вечером пятого апреля Голубева была в контакте с несколькими мужчинами, о чем свидетельствует наличие спермы двух (!) разных антигенов, что говорит о близости потерпевшей по меньшей мере с двумя мужчинами. В крови погибшей девушки обнаружен алкоголь и наркотическое вещество...

Но самым трагическим, на взгляд Корнилова, являлось то обстоятельство, что у Наташи Голубевой была трехмесячная беременность!

В дверь постучали, это пришла Людмила Борисовна Голубева. Во всем черном, с газовым шарфиком на голове, едва прикрывавшем густые каштановые волосы, она показалась Корнилову невероятно красивой. Он не мог понять, как женщина с таким одухотворенным лицом могла допустить, чтобы на ее глазах выросло морально ущербное существо, каким предстала перед его искушенным взором ее покойная дочь. Где были глаза матери? Мозги? Куда смотрел отец? И что за обстановка была в семье, в которой на ребенка совсем не обращали внимания?! Если Наташа курила, то от нее за версту должно было пахнуть табаком, если нюхала кокаин или увлекалась травкой, то это было бы заметно по ее поведению. Когда она возвращалась после своих интимных свиданий домой, неужели мать ни разу не поинтересовалась, где была ее дочь, чем занималась и в обществе кого проводила время?

– Вы хорошо держитесь, – сказал Корнилов и протянул посетительнице пепельницу, потому что первое, что сделала Голубева-старшая, едва переступив порог кабинета следователя прокуратуры, это достала из кармана жакета красивый серебряный портсигар и закурила.

– А что мне еще остается делать? – осипшим от слез и волнений голосом произнесла она и посмотрела на Корнилова в упор взглядом уставшего и разочарованного во всем человека. Так, наверное, смотрят перед тем, как пойти на казнь или добровольно принять смерть. Может, и у ее дочери был точно такой же взгляд, когда она поднялась поздно ночью с постели, насыпала в стакан таблетки, раздавила их на дне ручкой или карандашом, залила водой и, последний раз взглянув на окно или, предположим, фотографию Льдова (а почему бы и нет?), выпила ВСЕ ДО ДНА... Боже, как же было страшно этой молодой еще женщине увидеть на постели заледеневшее мертвое тело единственной дочери!

– Вы хорошо знали свою дочь?

– Знала? А разве можно знать до конца ДРУГОГО человека? Что-то знала, а что-то нет... А почему вы задаете мне этот вопрос?

– Как вам известно, нами возбуждено уголовное дело. Наша цель – выяснить, кто довел вашу девочку до самоубийства. Вот по этому поводу мы вас и пригласили.

– Наташу уже не вернуть...

– Я понимаю, но тем не менее. Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос. Какие у вас отношения в семье?

– Вы имеете в виду наши отношения с мужем?

– Да.

– Обычные. Но уж если быть до конца откровенной, то у меня с мужем нет НИКАКИХ отношений. И давно. Но не понимаю, какая связь может быть между этим и гибелью Наташи?

– Самая прямая.

– Я никогда не любила мужа, но внешне старалась этого не выказывать. Он – слабый, хотя и амбициозный человек, трус, хотя добрый... С ним можно жить, но если только редко видеть, потому что выносить его в больших дозах просто невозможно. Вы не психоаналитик и поэтому не пытайтесь найти в наших отношениях причину, заставившую Наташу уйти из жизни. Не надо вешать нам на шею этот груз. Это нечестно. Она ушла из жизни совсем по другой причине.

– По какой же?

– Думаю, что из-за любви. Я сначала не хотела вам показывать ее записку и эту акварель, но утром, после вашего звонка, я вдруг поняла, что вам захочется крови, а потому решила защититься (да простит меня Натали)... – С этими словами Людмила Борисовна достала из сумочки сложенный вчетверо плотный листок бумаги, развернув который Виктор Львович увидел совершенно очаровательную, прозрачную акварель, детскую и вместе с тем зрелую, точно и ясно выражающую чувства девочки-подростка, страдающей от одиночества. На рисунке был изображен мост, на нем два человечка – он и она; парень и девушка; ярко-оранжевый свитер парня выдавал в нем Вадика Льдова, тоненький силуэт девушки – Наташу Голубеву; по небу плыли голубые нежные облака, подсвеченные солнцем, а под мостом чернела вода... Черная вода – символ одиночества.

– На ней розовая кофта, у нее есть такая?

– Нет, но это ни о чем не говорит. Разве что о нежности, которую она испытывала к этому мальчику. Про покойников плохо не говорят, но Вадик был распушенным парнем, которому было позволено все... Родители его практически не воспитывали, он был предоставлен сам себе. У него всегда были деньги, поэтому за ним вечно тащился хвост прихлебателей, вассалов, слуг, рабов... Он делал с ними что хотел – заставлял прислуживать ему, оказывать мелкие услуги, выполнять за него домашние задания и чуть ли не башмаки чистить... А за это он давал мальчишкам деньги, покупал сигареты, пиво...

– Как вы его...

– Просто я искренна с вами, вот и все.

– А наркотики? Вы не слышали, чтобы Льдов принимал наркотики или продавал их?

– Врать не стану, ничего такого не слышала. Да и как можно было это услышать, если за такое дают сроки... Если даже он и продавал их – с него станется. Я не думаю, что деньги, которыми он бравировал при каждом удобном случае, доставались ему лишь от родителей. Он был гибким парнем (в плохом, конечно, смысле), а потому был способен ради достижения своих целей на все...

– Да вы просто ненавидели его?

– Это я тоже предусмотрела. Нет, я не убивала Вадима Льдова, и, когда бы ни произошло убийство, я была дома – мы с мужем проанализировали все мое время, начиная с четвертого апреля и кончая днем похорон... Даже если я и отлучалась, то у меня имеются свидетели на каждый час, каждую минуту, причем все это – люди незнакомые, случайные... В поликлинике, например... В магазине – у меня остались и чеки.

– Но вы могли избавиться от него ЧУЖИМИ РУКАМИ... Ведь, признайтесь, вы мечтали о том, чтобы он исчез из жизни вашей дочери...

– Я мать, и я действительно об этом мечтала... Думаете, легко мне было, когда я узнала, в какого монстра влюбилась моя Натали? Как вы думаете, была я рада всему этому?

– А кроме Вадима, у Наташи был еще какой-нибудь парень? – Корнилов решил немного отвлечь Голубеву от Льдова.

– Да нет, не слышала. От нее, во всяком случае... У них дружный класс, они часто собираются, слушают музыку. Однажды почти весь их класс съездил в Москву, на экскурсию... Их классная руководительница тоже мне нравится, такая деятельная, всегда горой за своих учеников. Ларчикова Татьяна Николаевна. А вы, кстати, не слышали, какую шутку они ей устроили?

И Людмила Борисовна, пытаясь убедить Корнилова в том, что это смешно, рассказала историю с фотографиями голого Льдова и падающей со стула Ларчиковой.

– Не знаю, как вы, а мне это не показалось смешным. Вы нервничаете, это понятно, но у меня создается ощущение, что в своей прошлой жизни вы были СТРАУСОМ, – горестно вздохнул Корнилов.

– Что? Что вы сказали? Каким еще страусом?

– А тем самым, который прячет голову в песок. Вы и сейчас ее зарыли очень глубоко, даже не видно... – Корнилов встал и, разнервничавшись, закурил, забыв предложить сигарету ошарашенной его словами Голубевой. – Что смешного вы нашли в том, что двое наверняка подвыпивших или обкуренных девятиклассника голышом вломились в класс, где в это время находилась их молоденькая классная руководительница (причем одним из них был именно Льдов, царство ему небесное!), и стали приставать к ней, лапать и, одновременно, снимать. Вы что, не понимаете, что здесь не может быть ничего смешного?! Выпили, покуражились, сломали карьеру Ларчиковой, а теперь Льдов – убит, причем жестоко, топором... А вы еще пытаетесь меня убедить в том, что здесь есть доля юмора. А почти одновременно с мальчишкой, так нахально поиздевавшимся над своей «классной», умирает ваша собственная дочь, приняв лошадиную дозу снотворного! Как вы думаете, здесь напрашивается связь или же я вызвал вас, чтобы послушать, как вы ненавидели Льдова, и принять все доводы, касающиеся вашего, как вы считаете, железного алиби? Нет уж, голубушка, не для этого я пригласил вас к себе. И если во время похорон я не смел подойти к вам, поскольку понимал ваше состояние, то теперь (можете жаловаться на меня кому угодно, я даже вам сам дам ручку и бумагу!) мне предстоит сказать вам нечто из ряда вон... Это вы убили свою дочь!

Корнилов замолчал, чувствуя, что перегнул палку и что, вероятно, видит эти стены в последний раз. Его уволят по жалобе Голубевой; она не станет молчать и бездействовать, раз предоставляется возможность направить куда-то свою мстительную, холодную и осознанную энергию; ей надо оправдаться перед собой и своим мужем...

Пока он думал об этом, его глаза следили за выражением ее лица. Женщина явно недоумевала. Она никак не могла взять в толк, о чем, собственно, идет речь.

– Потрудитесь объяснить... – произнесла она с трудом, давя в себе рыдания. Похоже, она только сейчас начала осознавать, какое тяжкое обвинение предъявил ей только что следователь прокуратуры.

– Я спросил вас, встречалась ли ваша дочь с кем-нибудь кроме Льдова...

– Но она с ним не встречалась! Он совершенно не обращал на нее внимания! Разве вы не поняли, что это-то как раз и послужило причиной ее смерти?! – почти вскричала она, поднимаясь со стула и хватая со стола зажигалку Корнилова, в то время как ее собственная была зажата у нее в левой руке.

– Тогда вы тем более виноваты, что ничего, совершенно ничего не знали о своей дочери. Хотите взглянуть на материалы вскрытия?

* * *

В маленькой тесной квартирке Иоффе собралось девять одноклассников и одноклассниц Вадима Льдова: Лена Тараскина, Оля Драницына, Валя Турусова, Тома Перепелкина, Катя Синельникова, Жанна Сенина, Витя Кравцов, Женя Горкин и Максим Олеференко.

– Ты запер дверь? – спросил Кравцов, обращаясь к Жене Горкину, курносому молчаливому пареньку, открывая заученными движениями одну бутылку за другой и ставя их на накрытый по случаю этих импровизированных поминок стол, на котором, помимо пива, было несколько банок с мясными и рыбными консервами, гора сверкающих цветных пакетиков с чипсами, нарезанный ломтиками ржаной хлеб и раскрытая картонная коробка с копченой мойвой.

– Да запер, не бойсь... – отозвался Женя, жадно присасываясь к горлышку пивной бутылки и отпивая его большими глотками, да так громко и аппетитно, что за бутылками потянулись и все остальные.

– Уж не знаю, что говорят в таких случаях, – произнес Кравцов, чувствуя, что все присутствующие теперь вынуждены воспринимать его как преемника покойного лидера Льдова, а потому и слушаться его во всем и что он теперь должен хотя бы в чем-то повторять поведение своего предшественника, чтобы походить на него и не дай бог не упустить момент, когда появилась возможность занять его опустевший трон. А сделать это можно только силой и напором, воспользовавшись безвластием, разбродом, чтобы, подавив чужую волю, навязать всем свою. Во всяком случае, Виктор, представив себе на мгновение, как бы, оказавшись сейчас на его месте, вел себя Льдов, продолжил уже с большей уверенностью, словно ощущая, как внутренняя сила Вадима переходит в него и наполняет и без того прочно заселенное мыслями и чувствами Вадима его собственное, кравцовское «я». – Пусть будет ему земля пухом, и царство ему небесное!

Вадим любил торжественность в речах, и чудовищный контраст между его пристрастием к пышности церемоний и простоте и грубости всего остального, что составляло их групповые забавы, заставлял сердце биться сильнее, чем от опия. Вот и сейчас от панихидных речей он запросто перешел бы к щекочущим нервы фактам, доставляющим небывалое удовольствие одним и страх другим. Но теперь, при Викторе Кравцове, в их компании произойдут перемены, пусть не такие резкие, как хотелось бы ему, новому лидеру, но все же достаточно радикальные. Жени Горкина здесь не будет вовсе: он, Кравцов, так решил, и этого вполне достаточно, чтобы другие его поддержали и, главное, ПОДЧИНИЛИСЬ. Горкин сбежал, когда они решили развлечься с девчонкой из интерната, с которой Тома Перепелкина перед этим выясняла отношения. Есть даже подозрение, что именно Горкин и насвистел тогда Ларчиковой, где они и чем занимаются, и теперь «класснуха», которая прикатила к посадкам ночью и все увидела своими глазами, вздумала шантажировать этим девчонок. А раз так, пусть господин Горкин отвечает за свои поступки и расплачивается либо выходом из компании, либо платит наличными (чего, кстати, никогда не практиковал Вадим, который штрафовал исключительно «натурой»). Пусть это будет нововведением. А что, деньги еще никогда и никому не помешали. Кроме того, это послужит уроком для остальных – чтобы неповадно было предавать своих.

– А о Голубевой ты тоже будешь держать речь? – спросила, облизывая от пива губы, Валя Турусова. – Мы что сюда, на поминки пришли?

Голос ее, высокий и дрожащий от волнения, звучал громко и вызывающе. Никто ничего не понял, однако Жанна Сенина, бросив вопросительный взгляд в сторону Тамары Перепелкиной, которая выглядела сегодня особенно элегантно в новом облегающем платье из красной эластичной ткани и явно пришла сюда не для траурных церемоний, осадила Валю, удивив всех присутствующих:

– Не на поминки, конечно, но не вспомнить про Наташу нельзя... Ведь на ее месте могла бы оказаться любая из нас...

– В смысле? – округлила глаза Валя и обвела удивленным взглядом всех сидящих за столом. – О чем это она?

– Она сдавала анализы, я сама провожала ее в платную поликлинику, прождала внизу, возле регистратуры – почти час, а она так и не вышла... Ну я и ушла, а буквально через полчаса встречаю ее – прикиньте! – в магазине – она спокойненько покупает себе сигареты. Выскользнула, оказывается, из больницы через другой выход, где флюорография, чтобы меня не видеть... Спрашивается, зачем же было звать меня с собой за компанию, чтобы потом от меня же и сбежать?..

– Думаю, у нее были плохие анализы, – перебила ее Тамара и вдруг достала откуда-то снизу, наверное, из сумки, стоящей на полу, бутылку водки. Раздался общий радостно-удивленный возглас, как будто анализы Голубевой уже никого не интересовали. – Вы что, ошалели? Не понимаете, о каких анализах идет речь?

Кравцов, под которым Перепелкина уже одним своим уверенным и не терпящим возражения тоном сильно покачнула кресло его, как ему казалось, растущего прямо на глазах авторитета, почувствовал, что волосы на его голове зашевелились. Он хоть и плохо помнил тот вечер четвертого апреля, когда все они – и Голубева и Льдов – были еще живы и здоровы и сидели, вернее, лежали вот здесь, на этом самом продавленном диване и курили длинные коричневые палочки, которые принесла для них Тараскина, но уж то, что Наташка досталась им обоим, почему-то в памяти засело крепко. Быть может, потому, что он тогда словно взбесился, ему почему-то захотелось сделать Наташке больно, и он сделал ей больно, она застонала, а он закрыл ей рот ладонью, а потом держал

ее, лицом вниз, пока Льдов...

Он очнулся, со лба его катился холодный пот. Если сейчас он спросит о СПИДе и окажется, что речь идет совсем о других анализах, он сядет в калошу, иными словами, на глазах у всех распишется в своей неинформированности. Все будет выглядеть по-идиотски. А этого нельзя допустить. Надо выждать время, пока кто-нибудь не проговорится, не скажет слово, от которого, быть может, теперь зависит жизнь самого Кравцова.

- Она что, залетела, что ли? - кроткое розовощекое лицо красивой Олечки Драницыной повернулось к Тамаре. - Что вы все ходите вокруг да около?

Она спасла его, эта спокойная и умная Драницына, с которой можно иметь любое дело и быть уверенным в том, что тебя не подставят. Побольше бы таких девчонок. Без комплексов.

- Да-а, говорят тебе... - выпалила, словно выдала чужую тайну, Жанна Сенина.

- Подумаешь... Выпить-то за нее, конечно, тоже надо, но Вадима мне почему-то жалко больше. Я вот смотрю на вас, на ваши кислые рожи и понять не могу, чего вы все ждете? Не наливаете? Кого ты, Кравцов, из себя строишь?

Теперь уже удивилась Тамара, у которой бразды правления этой маленькой сволочной компании выскользнули из рук так же стремительно, как и оказались там, - все теперь смотрели на Олечку Драницыну, уверенно наливающую водку в граненые стаканы, заботливо и молчаливо поставленные перед каждым Максимом Олеференко. Твердость ее голоса заставила закрыть рот даже Виктора, который только что собирался произнести тост.

- Вы пейте, - между тем продолжала Оля, ни на кого не глядя и потроша пачку с чипсами. Опустив внутрь блестящего пакета пальцы, она достала хрустящие жирные и красные от перца аппетитные кругляши и отправила их в рот. - А я лучше поем... Мне некогда, у меня дома дела, матери надо помочь...

- Вообще-то мы никого не держим. - Жанна Сенина развела руками и посмотрела с опаской на Перепелкину: одобряет ли та ее реплику и, главное, позицию в отношении Драницыной.

Но Перепелкина даже не взглянула на свою «шестерку», она просто залпом, не чокаясь, выпила водку и закусила хлебом. За ней последовали и остальные.

Спустя полчаса, когда была выпита и вторая бутылка водки, Катюша Синельникова, которая подошла к окну, чтобы продемонстрировать Кравцову (который почему-то весь вечер не смотрел на нее, а просто-таки пожирал глазами Драницыну) свою кожаную короткую юбочку, а заодно и стройные ножки, вдруг сказала:

- Смотрите, а наши придурки в футбол гоняют...

Она говорила о своих одноклассниках, которые, в отличие от нее и всех тех, кто считал себя элитой класса, «белой костью» и сидел сейчас за круглым столом старика Иоффе, жили в повиновении у своих родителей, отбывали свое «золотое» детство в невеселом окружении таких же пресных и неинтересных школьников, как и они сами. Музыкальная школа, лыжи, какие-то курсы, репетиторы, футбол, художественная студия, легкая атлетика, бассейн, занятия, английский, экзамены – ее воротило от этих слов, и это сближало Синельникову с теми, кто думал так же, как она. «Жизнь прекрасна только с теми, кто тебя понимает» – так говорил Вадик Льдов, которого уже нет и никогда не будет, а ведь это он первый пригласил ее сюда и впервые сделал с ней то, что она хотела, чтобы с ней сделали. И что плохого в том, что она взрослее своих одноклассниц, которым ничего не надо. Каждый человек индивидуален, и физическая сторона его жизни не должна тревожить общественное мнение. Другое дело, что эта же самая физическая сторона превращает подчас жизнь в тяжкое испытание, когда мужчина (а в их компании не было мальчиков и девочек, все успели сблизиться и повзрослеть настолько, насколько это было возможно в состоянии наркотического опьянения, да и алкогольного, впрочем, тоже), которого ты, как тебе кажется, любишь, уходит в маленькую комнату, чтобы заняться сексом С ДРУГОЙ... Как вытерпеть это? Как сделать, чтобы Кравцов пошел сегодня именно с ней, а не с Драницыной, с которой он не сводит глаз? Она не хотела быть третьей – слишком уж унижительная роль, ведь тогда он достанется ей уже мокрый от пота и уставший, и ему нужно будет только разрядиться и рухнуть на нее, как на мягкий, душистый тюфяк... А Катя слишком любила себя, чтобы постоянно довольствоваться этой ролью. Она не понимала, ЧТО они все находили в этой Драницыной...

Глядя, как ее одноклассники гоняют по светло-зеленому апрельскому полю мяч, она вдруг решила уйти, как это сделали недавно Лена Тараскина, которую

сильно тошнило от водки, и Валя Турусова, которую ждал ее художник. Катя не хотела, чтобы ее посадил к себе на колени бритоголовый и пахнувший потом Горкин или чтобы ей под юбку полез толстый и тяжелый Олеференко. Не для того она полтора часа провела в ванной комнате, приводя себя в порядок, чтобы ее трогали грязные лапы этих ублюдков, этих пьяных и грубых парней. Вот Кравцов – это другое дело.

– Ты куда? – услышала она, как ее окликнул Горкин, и не успела Катя подойти к двери, как он, приподнявшись со стула, на котором сидел уже вместе с Жанной Сениной на коленях, схватил ее за руку и притянул к себе. – Ты куда, Синельникова? У нас еще водка есть, не спеши. Туда, куда ты собралась, ты всегда успеешь... Что, в футбол поиграть захотелось?

Жанна спрыгнула с его колен и быстрым шагом направилась к Максиму Олеференко, который знаком приглашал ее к себе. Он сидел возле противоположной стены в глубоком кресле, показывая взглядом пьяненькой Жанне, которой никак не удавалось пересечь комнату, чтобы на кого-нибудь не наткнуться, что надо делать. Усмехнувшись, она подошла к нему и села перед ним на корточки, но ноги не выдержали, подкосились, и она плавно опустилась на колени. Наклонив голову, Жанна вздохнула и хотела было что-то сказать, как почувствовала, что Максим больно схватил ее за волосы и потянул вниз...

– Работай, работай...

Кравцов, обнимавший за талию сидящую рядом Тамару Перепелкину, которая ничего не ела, много курила, а потому опьянела больше других, продолжал смотреть на Олю Драницыну, поедающую с равнодушным видом хлебные темные катыши. Она тоже опьянела, но сидела за столом с отсутствующим видом и думала о чем-то своем. Она привыкла к этой обстановке и чувствовала себя здесь, в этой задымленной, прокуренной квартире, как рыба в воде. Она вспоминала весь сегодняшний день, начиная с того момента, как ей позвонил дядя Миша и пригласил к себе. Рядом с ним она чувствовала себя уверенно, он позволял ей все, о чем бы она его ни попросила, даже самые невероятные вещи... У них была такая игра: он разрешает Ей делать все, что ей вздумается, а она – ЕМУ. Но если у нее фантазий было куда больше и связаны они были в основном с материальными ценностями (то ей захочется, чтобы он подарил ей морскую раковину, стоящую у него на зеркальной полке, то чтобы отдал ей его длинный и толстый синий свитер с желтыми оленями, то она пожелает съесть сразу все апельсины, которыми он и так угощал только ее, то она открыто

попросит у него определенную и немалую, на ее взгляд, сумму, что бывало особенно часто...), то у дяди Миши фантазия была всегда одна, конкретная, и она поражала Олю своей простотой, как поражала реакция этого серьезного взрослого мужчины, который всегда казался ей каким-то необыкновенным и оригинальным, на ее наготу. Он словно превращался в другого человека, озадаченного одной-единственной, не дававшей ему покоя проблемой, суть которой сводилась исключительно к обладанию Олиным телом. Ему нравился сам процесс, и Оля очень хорошо это усвоила. Она уже давно выучила все, что доставляло ему наибольшее удовольствие, а потому в те встречи, когда ей особенно нужны были деньги, сама провоцировала своего взрослого друга, принимая его излюбленную позу, а то и вовсе хватая его своими нежными пальцами за пламенеющую плоть, приводила его, как животное, просящее у нее поесть, в ту комнату его большой квартиры, где было особенно темно и звучала заунывная хоровая музыка, которой сопровождалась все их свидания... Здесь он мог позволить себе с ней все, что хотел, и даже больше. Но к этому «больше» он и готовил Олю почти две недели, показывая ей фотографию своего друга, с которым ей предстояло познакомиться и который, по словам дяди Миши, давно любил ее по одним только рассказам о ней...

...Она очнулась уже в постели. Виктор в нетерпении стаскивал с нее одежду, бормоча при этом ей что-то на ухо и производя резкие и грубые движения, словно он делал это впервые, после чего, все же войдя в нее, застонал от удовольствия и, вдруг обозвав ее самым последним словом, сказал, что с ней ему нравится больше, чем с другими. «Странные эти мужчины», – думала она, испытывая ставшие уже привычными, но все же еще не потерявшие своей остроты ощущения, в то время как подошедший к ней с другой стороны Олеференко взял ее за щеки своими большими липкими, провонявшими мойвой ладонями и, чуть приподняв за голову, чтобы видеть ее полураскрытые влажные губы, придвинулся к ее лицу своей распаленной плотью...

Тамара Перепелкина, лежа на диване в гостиной, повернув голову, наблюдала за тем, что проделывают с Олей Драницыной Виктор и Максим. Возбуждаясь от этого зрелища все больше и больше, чувствуя на своем теле тяжесть мужского тела, она представляла себя сейчас, конечно, не с Горкиным, который, двигаясь ритмично и с силой, дышал ей прямо в лицо жарким пивным духом, а с другом отца, высоким солидным брюнетом, фамилии и имени которого она еще не знала...

И никто из них так и не вспомнил больше в тот вечер ни о Вадиме Льдове, ни тем более о Наташе Голубевой. Жизнь продолжалась и требовала новых усад.

* * *

Крымов вышел из квартиры Ларчиковой с трофеем – пачкой фотографий, сделанных Льдовым и Кравцовым.

Он старался не думать о том, ЧТО произошло между ним и классной руководительницей, и о том, как теперь он взглянет в глаза Нади. Просто посмотрит, улыбнется и спросит, не готово ли свадебное платье, которое они заказали у Аллы Францевны Миллер. И Надя тут же превратится в восковую куклу – потеплеет, размягчится и потечет...

В машине он снова пересмотрел все фотографии, и две из двенадцати показались ему странными, непохожими на остальные. Качество снимков оставляло желать лучшего, некоторые фрагменты изображения были смазаны, и все же... Поскольку печать везде была цветная, при более внимательном рассмотрении нельзя было не заметить, что на десяти снимках у Ларчиковой ДРУГОЙ ОТТЕНОК ВОЛОС, более светлый. Кроме того, фоном двух снимков служит не школьная доска с краем портрета Толстого, а фрагмент натюрморта с ромашками. Спрашивается, и где же теперь искать этот натюрморт? Вот это ребус в духе Земцовой.

Вспомнив о ней, Крымов тотчас достал телефон и набрал ее номер.

– Да, слушаю... – Голос нежный, с придыханием.

– Здравствуй, Юлечка Земцова, где ты, моя радость?

– Крымов, только тебя мне сейчас и не хватало с твоими шуточками и хорошим настроением. Хочешь, я его быстренько испорчу?

– Что, Надя вернулась к Чайкину?

– Нет, хуже: на Белотелову, ту самую клиентку, которая приходила к нам сегодня утром и оставила аванс, – вспомнил? – на нее совершено покушение, ее

ранили.

- Это та, у которой не все дома и... кровавые брызги на зеркалах?

- Да.

- Ничего себе. Ну и что дальше? Где она?

- Ее увезли в больницу... - И Юля вкратце рассказала ему о том, что произошло на улице Некрасова в доме номер шестнадцать, за исключением обстоятельств, которые были связаны с Сергеем Зверевым. Зачем злить ревнивого собственника и эгоиста Крымова, если можно обойтись и без такого рода подробностей?

- Надо срочно выяснить имя этой агентши...

- Что вы говорите? Надо выяснить не только ее имя и личность, но и ее возможную связь с парнем-агентом по имени Саша, который занимался продажей квартиры Белотеловой. Чувствую, мы наткнулись на интереснейшее дело. Во всяком случае, мне так кажется, тем более что я сейчас как раз нахожусь именно в ЭТОЙ, «нехорошей», зараженной полтергейстом квартире в полном одиночестве и вижу перед собой зеркало с подсыхающими каплями крови...

- Если ее ранили, это может быть ЕЕ кровь?

- Я уже звонила Щукиной и попросила выяснить группу крови Белотеловой, ведь у Нади связи же в областной больнице... Так вот, группа крови Ларисы Белотеловой - первая, а ЭТУ я сейчас соберу с зеркала на тампон и постараюсь выяснить... но только уже завтра.

- Ты собираешься провести ТАМ всю ночь? Одна?

- А что такого? Клиентка попросила выяснить, не поселилась ли в ее квартире нечистая сила, вот я и работаю... Какие еще будут вопросы?

- Я могу приехать к тебе...

– Ну уж нет, дудки! Я скорее проведу ночь в гробу на кладбище, чем в тобой в одной квартире ночью... Я сыта твоим обществом, Крымов. И вообще, я собиралась тебе сказать, что ухожу из агентства... Стой, подожди, а это что такое?.. – И тотчас послышались короткие гудки.

Крымов чертыхнулся и пожалел, что не спросил точного адреса. Хотя... Некрасова, шестнадцать, чем не адрес? Разве что номера квартиры он не знает, но это можно выяснить у жильцов. Он вставил ключ и собрался было уже завести машину, как зазвонил телефон.

– Крымов, ты жив? – услышал он убийственно спокойный, прямо-таки ледяной голос Щукиной.

– Жив, конечно, Надечка, работаю вот, кружусь по городу в поисках...

– Я звоню тебе из дома. Если ты не хочешь, чтобы я весь твой ужин скормила голубям или лосям, воронам или зайцам, не знаю уж, кто еще водится в этом лесу, то приезжай. И еще: звонил Шубин, он сказал, что проследил за Кравцовым и узнал адрес, где собираются одноклассники Льдова, записывай: улица Васильевская, дом сто три, квартира один. Еще он сказал, что туда пришли парни и девчонки, у них были с собой сумки и пакеты, скорее всего с выпивкой и закуской... Он предположил, что они собрались там, чтобы устроить что-то вроде поминок по Льдову и Голубевой. Вот так-то. Он мне еще перезвонит. Так ты едешь?

– Конечно, еду. Хотя я собирался заехать к директрисе школы, уж больно интересная история произошла с Ларчиковой... – Он в двух словах рассказал Наде про снимки, промолчав только о том, где и при каких обстоятельствах они ему достались. Пусть думает, что попали к нему из рук учеников.

– Да, действительно. Тогда ты поезжай к директрисе, посмотрите с ней еще раз на снимки, но перед этим было бы неплохо заехать в лабораторию к Ефиму Левину, ты его знаешь, чтобы он тебе увеличил те два подозрительных снимка... А что, если они сделаны в ДРУГОМ КЛАССЕ?

– Интересная мысль... Хотя я, если честно, предположил, что эти снимки сделаны вовсе не в школе.

Он не мог объяснить ей ход своих мыслей, поскольку пришлось бы рассказывать о нимфоманке Ларчиковой и ее предполагаемом пристрастии к молоденьким мальчикам и, в частности, о вполне возможной связи с Вадимом Льдовым. А ему вовсе не хотелось произносить вслух имя Ларчиковой... Во всяком случае, не сейчас. Он еще чувствовал присутствие едва уловимого аромата ее духов и запаха кожи и волос, и, появившись она сейчас на горизонте, ужин действительно достался бы лосям и зайцам...

- Тоже может быть. Ты бы встретился с классной руководительницей сам, а не слушал других... Знаешь, злые языки могут наговорить чего угодно. Ну ладно, я все поняла - ты занят. Работай, Крымов, а я поужинаю одна, без тебя, ты не против? Потом посмотрю телевизор, почитаю журнальчики и лягу спать... - Слышно было, как она зевнула. - А ты поезжай, поезжай к этой, как ее...

- Ларчиковой?

- Ну да, к классной... Целую.

- Я тебя тоже. - Он выключил телефон и посмотрел из окна на дом, в котором жила Татьяна Николаевна. Интересно, как она воспримет его возвращение? Удивится или обрадуется?

И вдруг он увидел ее. Это была не галлюцинация, не мираж. Он так хотел ее увидеть, что она, наверное, прочувствовала это и сама, сама вышла к нему! Но откуда, откуда она могла знать, что он еще здесь, что не уехал, а вместо этого почти полчаса говорил по телефону?!

Ларчикова, одетая в строгий черный костюм, едва переступая маленькими шажками из-за непомерно узкой и тесной юбки, обтягивающей ее стройные бедра, направилась между тем не к нему, а в противоположную сторону! Он обратил внимание, что она достаточно быстро смогла привести себя в порядок, уложить волосы в высокую прическу, одеться - словом, собраться... Интересно, куда это она направилась?

Крымов завел машину и, свернув на параллельную улицу, решил, что так ему будет удобнее проследить за ней, после чего медленно покотился вдоль тротуара, вдыхая теплый, напоенный крепким запахом распускающейся листвы весенний воздух... Ему было немного грустно, потому что его новая любовница выглядела

так, как может выглядеть только женщина, еще не остывшая от объятий одного мужчины и уже спешащая в постель к другому. И кто ее осудит?..

* * *

Ровно в девять телефон в квартире Ларисы взорвался, и Юля, которая и без того сидела не шелохнувшись и последние пять-десять минут смотрела на часы, подскочила как ненормальная и кинулась зачем-то к двери. Нервы ее были на пределе. В такие минуты она всегда спрашивала себя, зачем пошла работать к Крымову, раз такая трусиха и подпрыгивает при малейшем шорохе. Разве можно жить в постоянном нервном напряжении, когда есть возможность заняться какой-нибудь спокойной, лишенной груза ответственности за судьбы других людей работой, а то и просто выйти замуж и уйти с головой в семейные, мирные проблемы. Все, что происходило с ней в последнее время, было символичным и словно указывало ей на необходимость ухода из агентства. Одни лишь романы чего стоили! Разве о такой безнравственной жизни она мечтала, разводясь с Земцовым, своим первым мужем? Где это видано – быть любовницей сразу двоих мужчин, которые к тому же еще и работают бок о бок? Ладно Крымов, он и не такое переживет, тем более что у него и у самого рыльце в пушку, такие, как он, кому угодно дадут фору в этом смысле, но Шубин?! Разве можно было так по-свински поступать с порядочным и по-настоящему влюбленным в нее Шубиным?

...Она взяла трубку и улыбнулась, услышав знакомый голос Зверева.

– Это Сергей, звоню вам, как просили. Ну что, долго еще собираетесь дрожать там от страха?

– А с чего вы взяли, что я дрожу?

– Ваш приятель сказал, что вы решили устроить что-то вроде засады на квартире этой раненой и что вам страшно.

– Да ничего мне не страшно! – возразила она, уже раскрасневшись от злости и досады на себя, на свою несдержанность.

– Неужели вы, слабая женщина, не боитесь встретиться нос к носу с убийцей? Да ни за что не поверю. В любом случае, боитесь вы или нет, если вы не против, я

приду, и мы будем вместе поджидать вашего убийцу или кого там еще...

Он явно потешался над ней. А Чайкин?.. Тоже мне, коллега, выставить ее в таком свете!..

- Да, я хочу, чтобы вы пришли, но только не для того, чтобы оберегать меня, а просто посидеть за компанию. Видите ли, круг друзей и знакомых у меня крайне ограничен, поскольку я веду довольно ненормальный образ жизни, порою приходится иногда знакомиться вот так, через агентство...

- Не понял, через БРАЧНОЕ агентство? На что вы намекаете, Юля?

Она немного помолчала, соображая, что бы такое ему сказать, чтобы он прекратил свои шутки, как вдруг заметила нечто, заставившее ее молниеносно забраться с ногами на диван, как если бы она увидела на ковре крысу или змею... Но это была всего лишь деталь женского туалета - белый кружевной бюстгальтер. Точнее, он был когда-то белым, а теперь мятый, с вымазанной в запекшейся крови левой поролоновой чашечкой, лежал всего лишь в метре от дивана. Откуда он взялся? Его ведь не было, она могла бы в этом поклясться! Что касается красных брызг на зеркале в прихожей - она поручиться не может, были они до ее прихода или нет, но бюстгальтер!

- Сергей, вы слышите меня? Приходите немедленно, здесь происходят какие-то странные вещи...

- Все, лечу, - услышала она и положила трубку.

Ничего себе, приключеньице! Блуждающее по квартире чужое белье, брызги крови на зеркалах, что дальше?

Зверев позвонил в дверь приблизительно через четверть часа. Юля, перед тем как открыть, внимательно посмотрела в «глазок», а когда он подмигнул ей, улыбнулась. Удивительно, она все чаще и чаще улыбается в его присутствии. С чего бы это?

- И что же такого странного здесь происходит? - В руках Зверева была корзинка со свежей клубникой.

– Вы опоздали, я уже съела почти килограмм чужой клубники... Если хозяйка, придя в сознание, решит вернуться домой и обнаружит, что ее клубника съедена?.. Что тогда будет?

– Тогда я скажу ей, что куплю в два раза больше. Такой ответ вас устроит? Так что же все-таки здесь случилось?

– Понимаете, – стала объяснять ему Юля, жестом приглашая следовать за собой в гостиную, – когда я пришла сюда, вот этой штуки, – она показала пальцем на по-прежнему валяющийся на полу бюстгальтер, – НЕ БЫЛО. Это точно. А теперь есть. Спрашивается, откуда?

Зверев смотрел на нее внимательно, как смотрят на ребенка, внезапно заговорившего на иностранном языке, которого он прежде не знал.

И тогда она решила рассказать ему все, начиная с визита Белотеловой в агентство.

– Послушайте, Юля, вы – работник частного детективного агентства, а не специалист по черной или белой магии. Зачем вы вообще ввязались в это дело? Я хоть и атеист по большому счету, но все равно время от времени хожу в церковь и верю в нечистую силу, представьте себе... Я просто уверен, что среди нас есть люди, обладающие сильнейшими биополями, способные как излечить чей-нибудь недуг, так и разрушить все на своем пути... Я верю в способность таких людей передвигать предметы на расстоянии, поэтому не удивляюсь тому, что вы мне рассказали. Но я удивлен другим – вашим легкомыслием! С какой стати именно вы ввязались в это и почему здесь нет вашего Крымова? Он что, снова отлеживается в своем загородном доме, зачитываясь детективной литературой и время от времени пересчитывая заработанные вашими нервами и здоровьем доллары?

– Сережа, а вы неплохо информированы о деятельности агентства, честное слово... Да, именно так до недавнего времени Крымов и работал, хотя многое изменилось за последние пару месяцев...

– Глупости! Сейчас же оставляем эту корзинку здесь для вашей хозяйки, тем более что витамины ей сейчас очень пригодятся, и быстро уходим отсюда... Я ведь не шучу, у меня самого в детстве чего только не было, меня тоже пытались

лечить разного рода знахари и бабки, и я знаю, насколько опасна может быть эта сила...

– Да о чем вы? Никуда я не пойду! А если вы испугались, то сами и убирайтесь со своей корзинкой! – вышла из себя Юля, не терпящая, чтобы с ней обращались как с маленькой. – Здесь происходят такие интересные вещи, а вы предлагаете мне так просто уйти? Ну уж нет. Для начала я положу эту штуковину в пакет. – Юля надела на руку целлофановый пакет, чтобы не касаться бюстгалтера, и положила его в свою сумочку. «Хотя, конечно, – сказала она себе, – будь я в квартире одна, навряд ли посмела бы проделать это с таким спокойствием и уверенностью». – А теперь осмотрю эту квартиру всю, сантиметр за сантиметром, чтобы запомнить, где и что здесь лежит, все, до мельчайших подробностей, а потом, когда стемнеет, постараюсь заснуть, чтобы утром проверить, не появилось ли каких-нибудь новых (хотя точнее было бы сказать: старых и грязных!) вещей, а заодно посмотрю во все зеркала, вот так-то!

Все это она выпалила одним духом, после чего направилась на кухню – выпить воды и успокоиться.

Сергей, пожав плечами, сел в кресло и, дождавшись ее возвращения, попросил у нее прощения:

– Вы меня не так поняли. Я не считаю вас трусихой, просто меня удивляет, как ваши мужчины (при этих словах она покраснела до корней волос)... позволили вам так рисковать, вместо того чтобы самим взяться за такую опасную работу.

– Да они просто не поверили (впрочем, как в начале и я) в истинность слов Белотеловой. Ну, представьте себе, приходит к вам женщина и начинает рассказывать о каких-то появляющихся из ниоткуда чулках... Да что там, вы и сами все понимаете. Мои, как вы выразились, мужчины (здесь лицо ее пошло пятнами) слишком уж реалистично мыслят, в отличие от вас, поэтому не усмотрели для меня никакой опасности...

– Странные у вас методы работы, скажу я вам... А вдруг бы выстрелили и в вас, а вы здесь совсем одна? У вас хотя бы есть пистолет?

Юля не стала отвечать на этот вопрос, сочтя его беспардонным и провокационным: какое кому дело до того, что она носит в сумочке?

Раздался телефонный звонок, Юля быстро взяла трубку и, услышав довольно бодрый голос Ларисы, звонившей ей из больницы, облегченно вздохнула:

- Вы живы, а это главное... Приезжайте скорее, а если хотите, я пришлю за вами машину... - и, уже обращаясь к внимательно прислушивающемуся Звереву, добавила: - Сережа, это Лариса, рана оказалась неглубокой, и ей разрешили вернуться домой. Вы не могли бы привезти ее сюда? Она сейчас в травматологии, на Садовой...

- Не скрою, мне куда приятнее было бы остаться здесь с вами вдвоем, но раз надо, значит, надо... Конечно, я привезу ее...

- Лариса, минут через десять-пятнадцать за вами заедет мой знакомый, Зверев...

- Да она меня наверняка знает, мы же с ней все - таки соседи... - У него был явно невеселый вид, а Юле это даже понравилось. Больше того, у нее появилась возможность посмотреть на Зверева в общении с другой женщиной, так ли он будет любезен, так ли внимателен и обходителен, как с нею самой? А что, если он такой же, как и Крымов? В этом случае Белотелова окажет ей неоценимую услугу, попытавшись соблазнить его (пусть даже и неосознанно, на уровне инстинкта!), а в том, что Лариса непременно польстится на Сергея, Юля почему-то нисколько не сомневалась. В сущности, все одинокие женщины видят в каждом встречном потенциального любовника. Это аксиома. Вот пусть все и идет как идет... Сколько можно ошибаться в мужчинах?

Сергей уехал, и в квартире стало тихо и немного жутковато. Юля, снова забравшись на диван и поджав под себя ноги, забилась в самый угол, словно в любую минуту откуда ни возьмись ей на голову могла свалиться очередная сорочка или чулки, и принялась составлять план действий. Итак, рядом с недавно купленной квартирой Белотеловой кто-то убивает девушку, занимавшуюся торговлей недвижимостью. Что это - поразительное совпадение или закономерность? В своем блокноте Юля записала: «1. Имя и личность убитой девушки. 2. Агент Саша, который продал Белотеловой квартиру. 3. Анализы крови Белотеловой и той, что была обнаружена на зеркале и на белье неизвестной женщины - сопоставить. 4. Навести справки о жизни Белотеловой в Петрозаводске. 5. Кому могло принадлежать белье: размер, возраст женщины?

Экспертиза вещественных доказательств:

– принадлежит ли кровь мужчине или женщине?

– принадлежит ли кровь взрослому человеку или младенцу?

– образованы ли пятна кровью живого лица или трупа?

– не принадлежит ли кровь беременной женщине или роженице? б.

Исследование выделений: пота, слюны, следов семенной жидкости... Наличие волос на белье. Следы наркотических веществ».

Юля отложила ручку и усмехнулась, прочитав написанное. А не слишком ли круто она повернула расследование чьей-то злой шутки? Может, этот бюстгальтер лежал здесь и до ее прихода?

Она привстала на диване, чтобы выглянуть в окно и попытаться понять, куда мог убежать убийца, выстреливший в Ларису после того, как он убил девушку-агента, и поняла, что действительно, если удачно спрыгнуть на крышу гаража, то, пробежав несколько метров, ничего не стоит спуститься на землю уже за пределами двора и очутиться на оживленной городской улице, а там сесть в машину и дать деру. Вполне вероятно, что Белотелова оказалась его случайной жертвой и что, если бы не Юля со Зверевым, убийца мог бы (как и планировал) просто выбежать из подъезда. Таким образом получалось, что Юля и Сергей косвенным образом оказались виновными в том, что в Ларису стреляли... Ну конечно, она вышла или просто открыла дверь своей квартиры, увидев входящих в подъезд Земцову со спутником и приняв шаги девушки-агента за ИХ шаги... Надо выяснить, к кому и с какой целью приходила сюда эта самая девушка... В любом случае теперь, при более детальном анализе событий, выходило, что связи между убийством девушки-агента и невероятной историей Ларисы, с которой она обратилась в агентство Крымова, – НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Это две отдельные истории. Причем Ларисина могла быть навеяна ее мнительностью и какими-то глубокими психологическими причинами, ревностью, например, или любым другим сильным чувством, связанным с любовью к мужчине, – чувством, которое, как шлейф, возможно, тянется из Петрозаводска... Ну какой, к черту, телекинез, когда Лариса ясно сказала при их первой встрече, что у нее «не сложилась личная жизнь там, в Петрозаводске»?.. Так что скорее всего все это дело не стоит выеденного яйца...

Эта мысль показалась Юле такой убедительной, что она собралась было уже вырвать листок из блокнота, чтобы не забивать себе голову подобным бредом, как вдруг ее внимание привлекло темное пятно на ковре, в том самом месте, где недавно она увидела бюстгальтер... В синих вечерних сумерках, которые накатили неожиданно, так что Юля еще не успела включить лампу и дописывала последние строчки почти в темноте, разглядеть, что именно лежало на ковре, было невозможно. Она протянула руку, щелкнула выключателем, и комната озарилась мягким оранжевым светом, льющим из стоящего на треноге янтарно-матового шара – оригинального светильника, сделанного из большого соляного блока. Она знала о существовании подобных ламп, которые при нагревании очищали воздух, и поэтому не удивилась, встретив в такой роскошной квартире, как Ларисина, сразу несколько таких ламп (еще одна висела прямо над головой и представляла собой нечто вытянутое, напоминающее ярко-желтую пористую дыню; подобную же лампу Юля заметила и в прихожей). Однако то, что она увидела в свете этой лампы, настолько потрясло Юлю, что заставило издать хриплый горловой звук от охватившего ее страха – на ковре лежала свернутая вещь из ткани темно-зеленого цвета. Не то рубашка, не то платье, а может, и куртка...

Юля, чувствуя, как по спине катится ледяной пот, перекрестилась дрожащей рукой, отгоняя от себя нечистую силу, которая, как ей уже казалось, обступила ее со всех сторон, и чуть не потеряла сознание, когда вдруг в передней раздался резкий звонок...

Глава 5

Голубева перешла улицу и, словно в трансе, медленно двинулась вдоль дороги, пытаясь осмыслить услышанное ею от Корнилова. Она не осознавала, что ее едва не сшибла машина, водитель которой, резко затормозив, чуть не врезался в столб, но все же успев вывернуть руль, разразился отборным матом в адрес показавшейся ему пьяной женщины.

Людмила несколько раз останавливалась, чтобы потрогать руками лицо и убедиться, что она не спит, что глаза ее раскрыты и все, что сейчас с нею происходит, – явь, реальность. Она и не подозревала, что можно быть слепой при том, что тебя все считают зрячей в прямом смысле этого слова. Но она

проглядела свою дочь. Ее Натали, ее нежная, ангелоподобная девочка, которая на ночь пила теплое молоко, а по утрам – отжатый из свежей моркови сок («Для глаз, детка...»), оказывается, вела параллельную жизнь, о которой они, родители, и не подозревали. Натали была беременна! От кого? Кто лапал ее своими грязными ручищами? Кто вторгнулся в холеное розовое тело, считая его своим? Кто терзал ее? Голубева не верила в то, что наговорил ей Корнилов. Ее девочку могли принуждать к этому, но чтобы по своей воле отдаваться кому-то и находиться при этом под действием наркотиков? Такое не может присниться даже в страшном сне!

Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Пусть у нее самой жизнь не сложилась так, как хотелось. Но она – взрослая женщина и вольна сама решать за себя, жить ей с человеком, которого она презирает, или нет. Она вдруг вспомнила, как в ночь, которую они провели подле гроба дочери, муж показался ей прежним Андреем, мужчиной, которого она когда-то любила... Но это было лишь временное ощущение НЕодинокости. Черода предательств со стороны мужа (измены, измены и еще раз измены с другими женщинами) заслонила собой все хорошее... Он был слабым, безвольным человеком, растрачивающим заработанные женой деньги на удовлетворение своих эгоистических желаний, причем исключительно физиологического уровня. Мот и бабник, Андрей Голубев работал бухгалтером в какой-то частной конторе, занимающейся перепродажей немецкого шоколада, и все свое свободное время тратил на женщин. Он не знал большей радости, чем, подцепив на улице случайную женщину, причем любого возраста и положения, привести ее в ресторан, напоить, а затем весело провести с ней время. И такие женщины находились всегда, Людмила знала это со слов самого Андрея, который во время их ссор бравировал этим, стараясь доказать жене свою мужскую состоятельность. Людмила, биолог, работая над государственным проектом, зарабатывала даже в это тяжелое для страны время довольно приличные деньги и обеспечивала практически всю семью. С годами сознание того, что она постепенно превратилась из привлекательной молодой женщины в аморфное и покладистое существо, сделало свое черное дело. Люда махнула на себя рукой и полностью сосредоточилась на благополучии единственной дочери, Натали. Единственное, чем могла она теперь себя порадовать, это вечерний укол морфия, о чем не знала ни единая живая душа. Это вошло в привычку, стало системой и образом жизни. Быть может, поэтому чувствуя свою вину перед дочерью, Людмила мечтала, чтобы Наташа как можно скорее встретила хорошего человека, вышла за него замуж и ушла из родительского дома, где уже ничего, кроме лжи и проявления слабости, она не могла увидеть...

Корнилов догнал Голубеву, когда она собиралась свернуть в проулок, откуда навстречу ей на бешеной скорости летела машина «Скорой помощи»; и Людмила погибла бы, не подоспей он вовремя и не схвати ее за локоть... Под оглушительный вой сирены они упали на тротуар, и Корнилов, словно защищая от кого-то, прикрыл ее собой, как бы чувствуя вину перед этой обезумевшей от горя женщиной, которой он выдал сгоряча все, что думал по поводу ее погибшей дочери...

– Вы простите меня, ради бога, – говорил он, помогая ей подняться и обнимая ее вялое и непослушное тело. – Я не должен был вам говорить всего этого, простите...

Она взглянула на него так, словно видела впервые; выдернув руку из его руки, резко повела плечами, словно сбрасывая с себя все, что могло бы ей воспрепятствовать двигаться самостоятельно, и вдруг, прислонившись спиной к стене дома, возле которого они остановились, опустила голову и заплакала.

– Не плачьте, не мучьте себя, вы ни в чем не виноваты... – Виктор Львович осторожно взял ее за локоть. – Вы не ушиблись?

Она отрицательно покачала головой.

– Вот и хорошо. Сейчас поедem ко мне, и вы мне все расскажете, хорошо?

Она пожала плечами, как бы не понимая, о чем, собственно, вообще идет речь. А Виктор Львович, воспользовавшись ее безвольным состоянием, остановил первую попавшуюся машину, посадил туда находящуюся в трансе Голубеву и попросил отвезти их на Посадского, к рынку, где он уже полгода жил один.

* * *

Игорь Сергеевич Сперанский третий вечер подряд играл в преферанс в обществе Петра Перепелкина, но затеять с ним разговор о его дочери, Тамаре, так и не смог. Он понимал, что Петр очень занятой человек, руководящий несколькими предприятиями, и что такие люди не могут позволить себе встретиться даже с друзьями детства, чтобы просто выпить и расслабиться. А тут вдруг согласился с первого раза, отложил все свои дела и вот уже третий

раз приезжает на квартиру Сперанского, чтобы поиграть в преферанс – одну из азартнейших и ДОЛГИХ игр... Это было по меньшей мере удивительно. А ведь они, живя в одном городе, не виделись (шутка ли!) около десяти лет, и за это время в жизни обоих произошло немало изменений, которые запросто могли бы отдалить друг от друга бывших дворовых друзей, но, к счастью, этого не случилось.

Перепелкин разошелся со своей пьющей женой, красавицей Кларой, которая уехала лечиться к тетке в Геленджик, да там и вышла еще раз замуж, а Сперанский, приняв в качестве конкурсного управляющего практически обанкротившуюся фабрику пластмассовых изделий, поднял ее и теперь на новом швейцарском оборудовании выпускал европейского качества шикарный упаковочный материал для местных товаропроизводителей.

Друзья встретились так, словно и не было тех долгих лет, что они варились в собственном соку, устраивая свою, мужскую, полную забот, успехов и поражений жизнь, – обнялись, как водится.... И если Сперанский все это время, что их пути не пересекались, жил один, так и не женившись по причине своей нерешительности, а может, и чрезмерной разборчивости, то Перепелкин, не вступая в брак, встречался со своей секретаршей, которая, как поговаривали, уже ждала от него ребенка, и, конечно же, воспитывал свою единственную и любимую дочку Тамару, которая после развода родителей захотела жить только с отцом. Сперанский, увидев ее в первый же вечер дома у Петра, куда тот пригласил друга отметить собственное сорокалетие, был просто поражен красотой этой девочки и, насколько это было возможно, всячески старался попасться ей на глаза.

– Какая красивая у тебя дочь, – сказал он, когда Тома, накрыв на стол, удалилась в свою комнату, откуда вскоре стали доноситься звуки фортепьяно. – Это она так играет?

– Если честно, то она не играет, а бренчит, но я не заставляю ее ходить в музыкальную школу, зачем тратить время на то, что никогда не пригодится?

– И сколько же ей лет?

– Скоро будет пятнадцать, а что?

– Да она же у тебя совсем взрослая... Никогда бы не подумал, что она почти ребенок.

– В том-то и беда, что никто так и не думает. Я же пасу ее, как козочку, даже гувернантку ей нанимал, но что-то у них там не заладилось... Тамара, скажу тебе, – не подарок, характер у нее материнский, она анархистка в душе, но для меня она все равно самый послушный и милый ребенок... Жаль, что ты стар для нее, а то бы мы как-нибудь договорились...

Он, как показалось Игорю, сам оборвал себя, чтобы не показаться смешным, но Сперанский понял, что Петр обеспокоен судьбой так быстро развивающейся дочери. Конечно, девушка, обладающая такой внешностью, не может долго противостоять мужскому натиску, и уже очень скоро перед отцом встанут вполне конкретные и серьезные проблемы, связанные с ее созреванием.

Весь вечер Игорь провел как в тумане, его бросало то в жар, то в холод, когда в комнату за чем-нибудь, а то и просто так, чтобы схватить яблоко и убежать, входила эта очаровательная девушка с длинными темными ресницами, обрамляющими ярко-голубые глаза. Движения ее были полны грации, а легкое покачивание округлых стройных бедер, которые обтягивало красное узкое платье, прямо-таки сводило с ума. Все его бывшие пассии, которые в минуты отдыха (но только не страсти) скрашивали его замкнутую в пространстве фабрики и тихой квартиры жизнь, показались ему теперь просто потасканными шлюхами. Уж как бы он оберегал это сокровище, достанься оно ему! Но разве позволит Петя свершиться такому? У него наверняка уже есть на примете кто-нибудь помоложе...

В ту ночь Игорь почти не спал, курил на кухне, пил ледяной лимонный сок и думал только о Томе. Понимая, что добиться ее можно будет только с позволения отца, первое, что он сделал, придя утром на работу, это позвонил Петру и пригласил его к себе вечером на преферанс. И тот согласился, даже не спросив, кто будет еще... А партнеры все три вечера были случайные и каждый раз разные.

... – Я пас, – услышал он голос Перепелкина и очнулся.

Все, кто еще недавно сидел за столом, уже давно ушли.

– Я пас, – повторил Петр и плеснул себе еще пива. – Пасую я перед тобой, твоим напором и желанием. Ты думаешь, я не понимаю, зачем ты устроил весь этот цирк? Или ты держишь меня за идиота?

Петр расстегнул ворот голубой шелковой рубашки, и на груди его показался треугольник серебряных волос. Грустные голубые глаза Петра смотрели на Игоря Сперанского с надеждой:

– Я бы рад отдать ее тебе, я же сразу понял, что ты положил на нее глаз, да только боюсь, что у тебя ничего не получится...

– Почему? – Игорь покраснел до самых ушей. Ему было стыдно за все то, ради чего он устроил этот балаган, выставив и Петра, да и себя самого в идиотском свете. Ну в самом деле, на что может надеяться в такой ситуации мужчина его лет, когда речь идет о пятнадцатилетней девочке? – Я слишком стар для нее?

– Разница в возрасте, конечно, существенный аргумент, но, по-моему, у нее уже кто-то есть. И этот КТО-ТО имеет на нее сильное влияние.

– В смысле?

Его едва зародившееся чувство собственника кольнуло и принесло боль: у нее кто-то есть, и этот парень, возможно, уже завладел не только ее умом и сердцем, но и телом?! Впервые ревность показала ему свою ледяную и ироничную усмешку, а ведь как часто он насмехался над своими знакомыми, страдающими из-за этого первобытного чувства. Он презирал их за подобное проявление слабости, а теперь сам, увидев всего лишь раз девчонку, которая на него даже не обратила внимания, был готов просто уничтожить своего невидимого соперника. Сколько силы, сколько страсти, оказывается, дремало в нем до того вечера, когда он встретил Тамару, кто бы мог подумать!

– Давай поступим следующим образом. Я вверю тебе Тамару, но только на определенных условиях.

– Ты имеешь в виду брак?

– Разумеется, и только брак. Но перед тем как ты решишься на это, ты должен пообещать мне, что примешь ее такой, какая она есть...

Петр говорил полунамеками, очень странно глядя при этом на Игоря, и видно было, как он мучится от того, что не получается у них простого разговора.

– Ты хочешь сказать, что у нее уже был мужчина? – Игорь, в отличие от друга детства, решил пойти по другому пути и заговорил открытым текстом. – Ты думаешь, что у нее по-настоящему был мужчина? Этого не может быть.

– Я не уверен, но и ты должен меня понять... Я целыми днями пропадаю на работе, а Томочка дома одна. Иногда она возвращается домой поздно... Ты же не дурак, Игорь, и прекрасно понимаешь, что мне куда проще было бы промолчать об этом... я имею в виду свои опасения. Но я не хочу, чтобы мне ПОТОМ было стыдно перед тобой. Боюсь, что она стала отбиваться от рук и у меня уже нет на нее никакого влияния. Я виноват перед ней за то, что не сумел создать нормальную семью, что упустил ее мать... Ты же помнишь ее, помнишь, как была она хороша и как пользовалась этим... А Томочка... Видишь ли, она ничего в своей жизни не видела, кроме школы да семейных скандалов. Брошенный, по сути, ребенок. Я никогда не жалел для нее денег, но ведь деньгами не купишь ласку, любовь... Ты понимаешь меня? Ты понимаешь, какого мужа я ей хочу?

– А ты не рано заговорил об этом? Ведь ей всего пятнадцать...

– Я даже не буду против, если она поживет какое-то время у тебя, чтобы у вас была возможность поближе узнать друг друга... Кто знает, может, от тебя она почерпнет что-нибудь полезное, может, ты сумеешь дать ей больше тепла, чем дал я, ее отец?..

Игорь понял, в чем дело и почему Петра замучил комплекс вины перед дочерью: любовница-секретарша! Как он мог это забыть?

– Ты собираешься жениться на той женщине?

– У меня скоро будет сын, это точно... Именно сын. Посуди сам, моя жизнь может сейчас обрести новый смысл, а у меня Тома... Она же никогда не простит мне, если я уйду от нее и сойду с Машей... Игорь, все, что я сейчас сказал тебе, звучит по меньшей мере странно, но давай попробуем...

И вот теперь он, Игорь Сперанский, стоял посреди цветочного магазина и не знал, какой букет выбрать и, главное, как и с какими словами вручить его Тамаре?

– Вам помочь? – Девушка-продавщица, долго наблюдавшая за ним, не выдержала и подошла, понимая, что перед ней солидный покупатель, которого ни в коем случае нельзя упустить. – Сколько лет вашей даме?

– Даме? О нет, она совсем еще юная девушка... она моя племянница... Ей всего пятнадцать лет.

– Тогда выберите ей белые розы или нежно-розовые, штук семнадцать-девятнадцать... Маленькие букеты сейчас не дарят – это признак дурного тона...

– Хорошо, тогда белые, если можно. И выберите сами, пожалуйста.

Он вышел, прижимая к себе, как ребенка, прохладный бумажный сверток, источавший сладковатый запах, и аккуратно положил его на заднее сиденье машины.

Что еще можно купить ей для первого свидания? Чем поразить? Как удивить и в тоже время не испугать?

Он остановился возле ювелирного магазина и долго рассматривал там под прозрачным стеклом сверкающие бриллианты, представляя, какой может быть реакция неискушенной девочки на такой роскошный подарок, но, решив, что это может быть воспринято ею иначе, чем ему бы хотелось, она может подумать, что он собирается ее купить, Игорь зашел в расположенный по-соседству парфюмерный магазин, где остановил свой выбор на скромном французском наборе из мыла и туалетной воды.

Петр обещал ему, что Тамара этим вечером будет дома, но предупредил, что у нее в классе произошла трагедия – убили одноклассника и одновременно отравилась одноклассница, а потому Тома может задержаться из-за поминок.

Так и случилось. Тома вернулась домой в половине десятого вечера. Не зная, кто ожидает ее в гостиной, она заявила с порога:

- Па, я в ванную, поставь чайник, есть ужасно хочется...

Услышав это ее детское: «Па, я в ванную...» – немного капризное и в тоже время милое и ДЕТСКОЕ, Игорь вдруг почувствовал прилив невероятного блаженства, представив, как это существо выйдет сейчас из ванной и войдет в гостиную, как девушка удивится, увидев смиренно сидящего в кресле гостя. Интересно, что она скажет, когда он вручит ей розы, которые вот уже почти три часа томятся в ведре с водой (он хотел, чтобы она сама поставила их в вазу, своими ручками).

- Слушай, какой же я кретин – надо было купить торт! Как же я не догадался?

Петр, который все это время и сам сидел как на иголках, делая вид, что чинит фен, нервничал и то и дело заговорщицки поглядывал на Игоря, пытаясь приободрить его. Хотя интуиция подсказывала ему всю тщетность их плана. Не будет Тома женой Сперанского, хоть тресни. У нее есть молодой парень, от которого она приходит вся в засосах, и ни к чему ей сорокалетний мужик... А как стала она груба за последние полгода! С нею же сладу никакого нет: огрызается, дерзит, не скрывает, что курит...

Перепелкин отложил в сторону фен и посмотрел на Игоря почти с жалостью. И зачем они все это затеяли? И что скажет Игорь, когда сам поймет, с кем собрался связать свою жизнь? Да и как могли они вообще так быстро обо всем договориться, когда Тома не знает даже имени Сперанского?! Вот идиоты!

- Послушай, она проголодалась и попросила тебя поставить чайник, а ты все сидишь и чего-то ждешь... Если ты думаешь, что я отступлюсь, то ошибаешься. – Игорь подошел к Перепелкину и зашептал ему на ухо: – У меня есть один план. Скажи, у тебя так бывало, что ты поздно вечером уходил к своей Маше?

- Бывало, конечно, днем-то мне с ней встречаться некогда, а что?

- А то. Поезжай к ней, только предупреди Тому, что я – твой друг, что мне негде переночевать, но ей нечего со мной бояться...

- Да ты с ума сошел! Спятил! Совсем голову потерял!

– Я ничего не терял. Просто надо попытаться создать ситуацию, напоминающую естественную... Уж не думаешь ли ты, что я на нее наброшусь?

– Нет, конечно... Но все равно как-то странно... – Петр оживился, потому что возможность прямо сейчас, закрыв на все глаза, отправиться напрямик к Машеньке и хотя бы на одну ночь забыть о Томе, показалась ему столь заманчивой, что он готов был найти даже в этом, явно абсурдном и опасном предложении Игоря, все, что угодно, лишь бы сбежать отсюда и сбросить со своих плеч груз ответственности за свою непутевую дочь. Но не мог же он согласиться вот так сразу, а потому ему потребовалось около трех минут, чтобы помучить и Игоря и себя, прежде чем он все же дал согласие, но опять же – с видимой неохотой, как того требовала щекотливость положения.

– Ладно, уговорил, только без глупостей... – С этими словами Петр подошел к двери ванной комнаты и громко, чтобы дочь услышала его за шумом воды, крикнул: – Тамара, открой на минутку, мне надо тебе что-то сказать...

* * *

Крымов смог проследить за Ларчиковой до самого дома, в подъезде которого она скрылась, благо дом этот находился всего в трех кварталах от ее собственного.

Выйдя из машины, он вбежал в подъезд и начал едва слышными шагами подниматься по ступенькам (дом был пятиэтажный, без лифта), прислушиваясь к цоканью ее каблучков и пытаясь представить себе ее разбурманенное от быстрой ходьбы личико, слегка растрепавшиеся волосы, блеск в глазах... И к кому же она так спешила?

В то время, когда он замер, не дыша, на втором этаже, Таня Ларчикова позвонила в квартиру на третьем, ей сразу же открыли, и до Крымова донеслось мужское радостно-взволнованное: «Ну наконец-то!»

Он сделал невероятное усилие и в два прыжка оказался на площадке между этажами, чтобы успеть увидеть закрывающуюся дверь. Вот, конечно, только что захлопнулась дверь квартиры восемь.

Он снова спустился на второй этаж и позвонил в квартиру, расположенную под той, куда вошла Ларчикова:

– Извините, над вами живет мужчина, мне поручили передать ему деньги, а его нет дома. Я прихожу сюда уже третий раз, но не застаю... И записка с его телефоном куда-то подевалась... Вы не знаете его номер, чтобы я в следующий раз перед тем, как приехать сюда, предварительно ему позвонил?..

Он говорил быстро, скороговоркой проговаривая слова, чтобы испуганная пожилая соседка, так ничего толком и не поняла, но услышал: «Пермитин? Михаил Яковлевич? Так он дома, вы просто плохо позвонили... У него сегодня с самого утра звучала хоровая музыка, знаете, он очень любит слушать хоры, особенно из баховских знаменитых месс... Так вот, он и сейчас дома, может, в ванной человек моется...» – Вежливая и аккуратная старушка улыбнулась, показывая голубоватые ровненькие пластмассовые зубы.

– Наверное, вы правы...

Он дождался, когда дверь за соседкой закроется, поднялся, опасаясь того, что она вздумает за ним подсматривать, на один пролет и позвонил в седьмую квартиру.

– Кто там? – спросили за дверью.

Крымов, продолжая думать о соседке снизу, которая могла его подслушивать, сказал:

– Я принес вам деньги.

И дверь тотчас открылась. Он увидел перед собой худощавую, с измученным лицом женщину. Следы былой красоты при ее образе жизни таяли с каждым часом, с каждым днем (по красному кончику носа он понял, что она пьет).

– Вы с биржи? – спросила женщина, и брови ее при этом поднялись в удивлении.

– Да... Вот, получите и распишитесь. – Он достал из кармана пятидесятирублевую купюру, блокнот и ручку.

– Но у вас же здесь нет ни моей фамилии, ничего...

– Я потом заполню, у меня знаете сколько таких, как вы... Мы будем выдавать пособия по частям, вы не возражаете?

Крымов никогда еще не чувствовал себя таким ослом. И ведь он придумывал на ходу всю эту ахинею исключительно из желания узнать, с кем спит Ларчикова. Это ли не психическое заболевание, зовущееся «чудовищем с зелеными глазами»? Ревность – яд для человека с собственническими замашками. Но откуда может возникнуть ревность к женщине, с которой только что познакомился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/danilova_anna/savan-dlya-bludnic

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)